

Мелодия огня и ветра

2

АКИЛИ

Акили

Мелодия огня и ветра. Том 2

«Автор»

2026

Акили

Мелодия огня и ветра. Том 2 / Акили — «Автор», 2026

Они были связаны музыкой, теперь разделены войной. Сюн и Лань оказываются по разные стороны сражения, где их флейты должны звать ветер против друг друга. Но как нанести решающий удар, когда в сердце всё ещё звучит общая мелодия? Тем временем на поле выходит тот, чьё имя меняет саму суть битвы — император Рейтан, повелитель огня, чья музыка не знает пощады. Война входит в решающую стадию, где каждая нота может стать для кого-то последней.

© Акили, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть 1	5
1. Последний день – лучший день	5
2. Конец перемирию настал	10
3. Никто не выбирает	20
4. Нарекут ведьмой поветрия	26
5. Кровь земли цвета пламени	33
6. Старые счёты разгораются вновь	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Мелодия огня и ветра. Том 2

Часть 1

1. Последний день – лучший день

Последний день перемирия

Солнце уже было в зените, когда Сюн пришёл в приграничный городок. Стоило войне уйти отсюда на три месяца, как он снова расцвёл, а люди вернулись в свои дома, будто ничего и не было. Прибрались в комнатах, смахнули пыль с обеденных столов, собрали урожай с огородов, открыли лавки с товарами. Теперь принимают посетителей, работают в мастерских... выжившие люди.

И хотя земли Редаута вплоть до Железной крепости были объявлены во время перемирия нейтральными, Сюн рисковал, придя сюда в одиночку. Никто не мог и не хотел полагаться на слово императора, но это перемирие было необходимо всем, и пока война действительно остановилась.

После похорон князя Венмина Вэй остался в Ванлинде заниматься делами: заботиться о людях, оставшихся без крова, набирать новых воинов для войска. Все понимали, что перемирие может закончиться раньше, но точно не продлится ни днём дольше оговорённого. А потому все набирались сил так жадно, как жаждущий пьёт воду перед походом в пустыню.

За подготовку музыкантов к войне отвечал лично Хранитель Долины. Вэй хотел, чтобы этим занялся брат, но Сюн попросил отпустить его к границе пораньше. Дядя Аксон наверняка бы не согласился. После случившегося в Данале он бы предпочёл запереть Сюна в Долине и не выпускать до конца войны, и Сюн это знал. Потому он пришёл к Вэйлину и обрисовал несколько надуманных причин... в которые Вэй, разумеется, не поверил. Видя, с какой снисходительностью смотрит на него брат, Сюн на миг замолчал и сказал просто:

– Дай мне уйти. Считаю, что я умоляю.

Вэй тяжело вздохнул.

– В день, когда тебе придётся меня умолять, я подам в отставку с должности твоего брата. Делай, что считаешь нужным. Только прошу, будь осторожен. Не маленький уже, сам всё понимаешь.

Возможно, в глубине души Вэйлин знал, что Сюн рано или поздно всё равно сделает, как задумал, только в следующий раз даже спрашивать не станет.

Они уговорились, что Сюн будет путешествовать тайно. Он сменил свои белые одежды на более простой дорожный наряд и надел плащ с капюшоном, под которым спрятал меч и флейту.

Плащ Лань. На плече всё ещё был вышит пушистый одуванчик.

За время перемирия Сюн обошёл все места, где жили редаутские беженцы, все приграничные города и деревни. Остался последний городок и последний день. Завтра снова начнётся война. И хотя разум подсказывал, что Сюн ищет не там, сердце настаивало. Он так и бродил по оживлённым улицам, вглядывался в лица, не решаясь спросить напрямую. Может, хотел обмануть сам себя?

– Молодой человек, ждёте кого? – внезапно спросили его. – Может, купите для неё?

Сюн поднял глаза и увидел цветочницу. На её локте болталась корзина с эдельвейсами. Сюн по привычке покачал головой, как всегда делал на рынке. Очень уж часто ему что-то предлагали. Цветочница оказалась на удивление ненавязчивой, пожалала плечами и пошла дальше.

Сюн остался стоять посреди дороги, а перед глазами всё ещё белели нежные эдельвейсы, так похожие на те, что растут на горе Аи. Он восторженно и хотел окликнуть цветочницу, но...

– Сюн?

Сердце замерло. Он резко обернулся и тут же увидел в нескольких шагах от себя девушку в дорожной одежде и шляпе. Сквозь разрезы струящейся на ветру вуали проглядывали хорошо знакомые черты и улыбка.

– Лань...

Они стояли и молча смотрели друг другу в глаза, пока вокруг сновали прохожие. Ветер трепал их волосы, поднимал дорожную пыль и шелестел полотнами. Где-то в стороне грохотали колёса повозки, звенела сбруя, смеялись дети, продавец зывал к лотку, чей-то посланник пронёсся мимо – жизнь не останавливалась.

Но между ними воздух звенел от молчания, словно тонкая струна. Пространство сжалось до одной точки – до взгляда, в котором было *всё*.

Вскоре они уже сидели на постоялом дворе перед оживлённой дорогой и наблюдали за проходящими людьми. Лань теребила в руках чашку с чаем, к которому так и не притронулась, и он остыл. Сюн сделал глоток из своей и тоже опустил.

– Будто ничего и не было, – произнесла наконец Лань, глядя ясными глазами на прохожих.

– Да, – кивнул Сюн. Оба они знали, сколь глубоки эти слова.

Сюн мельком глянул на Лань и понял, что она изменилась. Тогда в Железной крепости он не мог разглядеть в темноте, насколько повзрослело её лицо, изменилась фигура, какими тонкими стали запястья. Наверное, Сюн тоже изменился. Оба они уже не были прежними. И всё же их глаза смотрели друг на друга будто из прошлого и улыбались.

– А я знала, что ты придёшь. Отчего-то казалось, что ты неподалёку.

– Ты ждала меня здесь?

– Да. Хотела вернуть. – Лань достала из мешочка на поясе деревянную флейту с янтарной бусиной и положила перед Сюном на стол. – Долго она у меня гостила. Спасибо тебе за неё... и за всё.

Сюн взял в руки флейту, и она показалась ему чужой. Когда-то он не расставался с подарком матери, а теперь смотрел на флейту словно на совсем другой инструмент... инструмент, на котором играла Лань. Сюн заметил, что в её мешочке лежит ещё одна флейта, взгляд ухватил кончик из чистого золота.

– Хотела бы я выполнить и другое обещание, но уже не успею, – вздохнула Лань.

– Ты про картину с горой и озером?

– О, ты помнишь? – воодушевилась Лань.

– Мы поклялись тогда на мизинцах. Да, я помню, – с мягкой улыбкой кивнул Сюн.

– Ох, что за ребячество это тогда было! Мизинцы! – Лань закрыла лицо ладонями, как будто ей стало очень стыдно, но Сюн видел, что это притворство. Лань всё так же ребячилась.

– Разве? А мне понравилось, – подыграл он ей.

Медовый глаз выглянул сквозь растопыренные пальцы с виноватым выражением. Лань отняла ладони от лица.

– Как же обидно. Я так хотела показать тебе то озеро. Но отсюда целых пять дней пути пешком. Жаль, что мы встретились так поздно. Но ничего, погуляем здесь. Хотя в Агатэ интересней. Ты был там когда-нибудь?

– Столице Редаута?

– Ага.

– Не доводилось. Хотя я иногда про неё вспоминал. Всё думал, почему она так называется. Похоже на женское имя.

– А это и есть женское имя. Существует легенда, что основатель столицы был из кочевого клана, и небо наделило его талантом строителя. Однажды ему приснился сон о большом городе – настолько блистательном и прекрасном, что мог бы стоять на небесах. Проснувшись, строитель объявил, что отправляется в путешествие. Он хотел отточить мастерство, достойное возвести такой город, и обессмертить своё имя на небесах. Все очень любили строителя, а потому многие поверили в его мечту и отправились с ним. Но сколько бы секретов и навыков мастер ни постигал, он всё ещё был недоволен и так и не заложил ни единого камня.

Прошло много лет. Надежды его спутников оборачивались разочарованием, и друзья, родные, ученики – все покидали его. Пока рядом не осталась всего одна ученица – Ааматэ. Когда они начинали путешествие, ученица была ещё ребёнком, но с годами превратилась в прекрасную женщину. Она всей душой верила в мечту своего учителя и возлюбленного. Но годы шли, и хворь завладела Ааматэ. Однажды мастер взглянул на её измождённое лицо, седые волосы и морщины вокруг глаз и понял, что в погоне за несбыточным мастерством и бессмертием пропустил так многое в своей жизни. Но Ааматэ бесконечно доверяла любимому и его мечте о блистательном городе. И тогда мастер выбрал живописное место и начал строить. Он вложил в строительство всё мастерство, ради которого столько пожертвовал, и хотя город получился красивым, это не был тот город из его сна. Мастер в себе разочаровался. Но когда Ааматэ взглянула на эти стены, башни и дороги, то глаза её наполнились слезами счастья. «Так вот как выглядит небесный город, который я так мечтала увидеть!» – сказала она и вскоре умерла, а мастер назвал город «Ааматэ».

– Интересная история. Теперь я действительно хочу увидеть столицу.

– Ах, это... – замялась Лань. – Не получится. Тот город сгорел давным-давно. Нынешняя столица просто названа тем же именем.

– Ох, жалко.

– В конце концов, имя – это всё, что осталось от этой истории. Даже имя мастера забыто. Он начал путешествие с тщеславия и в конце концов отказался от него. Подарил бессмертие не себе, а возлюбленной.

– Но стоило ли оно того – бессмертие имени, которое не повидало и самой жизни. Не лучше ли было эти годы прожить с кланом и любимой, положить свой талант на службу людям, чем в погоне за призрачным городом в одиночестве карабкаться на вершину и не создать ничего?

– Возможно, в конце жизни он так и думал. Только уже было поздно.

– Пока они жили, не было поздно... пока *мы* живы, ничто не поздно.

Лань и Сюн посмотрели друг на друга. До того пристально и со смыслом, что вскоре от неловкости отвели глаза.

– А... знаешь, основатель Ванлинда ведь тоже назвал столицу в честь своей жены – Кины.

– Правда?

– Я только что вспомнил об этом. Но там нет такой красивой истории. Просто имя.

– Если он назвал в честь жены целый город, то, должно быть, очень любил её. Любовь – сама по себе история.

– Наверное, ты права, – улыбнулся краем губ Сюн, украдкой заглянул в медовые глаза и окончательно расслабился.

Это всё ещё была Лань. Его Лань, с которой Сюну всегда было так легко и хорошо. Они сидели и болтали о простых вещах, будто снова нежились на солнце на вершине горы Аи. Ни один из них не заговорил о войне, о будущем. Казалось, сегодняшний день – это всё, что у них есть.

– ...Мы с младшим братом приложили столько усилий, чтобы незаметно стащить тот вишнёвый пирог с кухни. Целый план составили: следили за караульными, придумали отвлекающий манёвр для поварахи и!..

– Ничего не вышло? – с интересом подался вперёд Сюн.

Лань изобразила на лице великую досаду.

– Пирог оказался не с вишней, а с кислыми яблоками. Представляешь, какое разочарование! Бедный братик.

Сюн рассмеялся на всю улицу. На него даже оглянулись прохожие. Лань тоже не сдерживала улыбку. Когда они вдоволь насмеялись, то замолчали. Сюн задумчиво вертел в руках деревянную флейту и бусину с парашютиком одуванчика. Наконец, он решился и серьёзно спросил:

– Лань. Это ты?..

– О, что это? Музыка? – Лань вскочила с места и повернула голову. – И правда. Слышишь? Пойдём посмотрим!

«...это ты заклинаешь ветер с той стороны?»

Лань потянула Сюна за рукав, и он позволил себя увести. Они вышли на небольшую площадку на окраине городка, где в центре стоял шест с цветными лентами. Трое играли на музыкальных инструментах, ещё восьмеро танцевали.

– Танцы! Сто лет не танцевала! – воскликнула Лань и потянула Сюна. – Пойдём!

– О нет. Я не умею. Не заставляй меня, пожалуйста, – с улыбкой взмолился он.

Лань пожала плечами и не настаивала. Порхающей походкой она вышла вперёд и закружилась под музыку. Танцующие встретили её с одобрением. А раньше ведь стеснялась танцевать перед людьми. Сейчас Лань прыгала с лёгкостью парящего пера и улыбалась с теплотой вечернего солнца. Медовые глаза светились беззаботной радостью.

И Сюн понял, что самое главное в Лань не изменилось. Всё то, за что он её полюбил, всё ещё было в ней. И глядя на эту улыбку, Сюн почувствовал, что его замершее сердце снова начало биться.

Музыка стихла. Танцующие и музыканты начали расходиться. Лань с досадой вздохнула:

– Мы слишком поздно пришли. Они уже закончили. Я бы ещё потанцевала. О, смотри!

Цветы!

Лань бросилась к цветочнице. Кажется, это была та же самая, которую встретил Сюн. Лань дала ей монету и взяла из корзины белый эдельвейс.

– В горах Долины их росло так много, но в Редауте эдельвейсы – редкость. Как жаль. Они напоминают мне об Аи. Помнишь, как ты застал меня там за танцем? Я думала, что легко смогу спуститься с горы, а оказалось...

– Я сыграю для тебя.

– А?

– Если хочешь потанцевать, я сыграю... для тебя.

Лань сначала удивилась, а потом на глазах расцвела.

– Тогда я станцую... для тебя.

Сюн взял деревянную флейту и заиграл весёлую мелодию. Без стихий и магии. Просто красивую музыку для радости души. И Лань с цветком в руках танцевала под неё и светилась как само солнце, порхала невесомой бабочкой. А ноты звенели, будто крупный дождь падал в пруд, катился по древесным листьям, спускался утренней росой на лепестки. Лились как песня соловья и клёкот вспорхнувшей ласточки. Если и существовали в этом мире печали, то все они в этот миг поблекли.

Когда отзвенела последняя нота, Лань остановилась и с тоской посмотрела на горизонт.

– Солнце садится...

Сюн оглянулся на запад. Закат разгорался красками огненной осени. Волшебство, что подарило им этот день, подходило к концу.

– Цветок тоже скоро завянет. А значит, нам пора расставаться, – так же тихо сказала Лань, теребя в руках стебель эдельвейса.

– Мы ещё встретимся? – с надеждой спросил Сюн.

– Наверняка. И в то же время вот так... вряд ли.

– Лань... уйдём со мной.

– Что?

Сюн схватил её ладонь.

– Пожалуйста, идём со мной. Тебе не нужно туда возвращаться.

– Я не могу, Сюн. Там все, кто мне дорог.

– Все?

– А?

– *Все*, кто тебе дорог, там?

– Большинство. Я им нужна. Я не могу их оставить. Пожалуйста, пойми.

«Мне ты тоже нужна», – почти сказали его губы, но Лань закрыла ему ладонью глаза.

Затем встала на носочки и коснулась губ Сюна своими. Долгое блаженное мгновение, которому суждено закончиться так быстро.

– «В танце над бездной встретимся вновь», – прошептала она и коснулась его ладони.

Когда Сюн открыл глаза, Лань уже спрятала лицо под вуалью и уходила прочь в вечерние сумерки. В руках у Сюна остался цветок эдельвейса, а в груди – сжавшееся от тоски и печали сердце.

2. Конец перемирию настал

Вэйлин отправил вслед за Сюном двоих людей из стражи отца неспроста. Для личного Стража нет большей потери и позора, чем пережить своего князя. Но в тот роковой день князь ушёл на поле боя один, и их не было рядом, чтобы его защитить. Потому теперь Лацуо и Уйнан были полны решимости служить и оберегать его сыновей. Вэй велел им держаться на расстоянии и не мешать его брату, что бы тот ни делал, а просто наблюдать и защитить в случае опасности.

...И теперь эти двое храбрых воинов не смели поднять на Вэйлина глаза.

Разумеется, Сюн их заметил. Разумеется, он всё понял. И попробуй догнать музыканта ветра, если он того не желает. Однако, чтобы за него не волновались, Сюн каждый день присылал Лацуо и Уйнану бумажную птицу, где писал, что с ним всё в порядке.

Вэй коротко вздохнул и не стал делать подчинённым слишком строгий выговор. Сюн действительно уже не маленький, и способен думать своей головой и защищать себя сам. Пока он даёт о себе знать, пусть делает, что хочет. Вэй не хотел заточать его в золотую клетку. Для этого Сюну на всю жизнь хватит Долины.

Вместо этого Вэй сосредоточился на грядущих переменах. В Ванлинде быстро провели церемонию, и Вэйлин официально стал князем. А к Сюнлину теперь надлежало обращаться «второй князь». За время перемирия следовало позаботиться о беженцах, восстановить разрушенное, подготовиться к грядущим битвам. Эта война ещё далека от завершения.

Свою скорбь Вэй выпустил всю без остатка и зажёл в храме резиденции ладановые свечи и благовония. Сюн тогда сидел рядом и молчал. Он помнил, как разозлился на отца, когда почувствовал, что отец жжёт здесь ладан для его матери. Сюн всё ещё ждал, что она вернётся. А если нет, то он сам найдёт и, если не решится заговорить, то хотя бы посмотрит на неё издали. Отца он уже не найдёт никогда.

Вэй хотел поговорить об этом с Сюном, но когда обернулся, то заметил, что брат хмурится и прижимает руку к груди – место, куда попала стрела принца Кхиана. Тогда Вэй проглотил приготовленные слова и отправил Сюна отдыхать.

Самому Вэю отдых и не снился. Даже выспаться удалось только в пути, когда он уже на закате перемирия прибыл к границе.

Другие правители тоже собрались здесь, и лагерь к западу от Элдинга пестрел знамёнами. Словно большой остов города, он был разделён длинными рядами частокола, снабжён смотровыми башнями, окружён рвом с кольями. Вэй расположил свою ставку рядом с войском, сделав лагерь ещё шире.

Теперь это место именовалось лагерь Союза шести княжеств и за короткое время обросло такими постройками как конюшни, тренировочный лагерь для воинов и музыкантов, кухни для титулованных особ, кузницы, амбары, трапезные, арена для поединков. Вырос даже стихийный рынок. Нечасто в одном месте собиралось так много людей из разных княжеств.

Не обошлось и без старых обид. Пришлось разнимать солдат из Шуйфена и Элдинга. Некоторые музыканты молний поддевали обидчиков, электризуя воду для питья в бочках. Музыканты воды в ответ устраивали им дожди и промокшую амуницию, а также покрывали льдом их пороги. И как они собирались сражаться бок о бок?

Вскоре после своего прибытия Вэй получил приглашение в шатёр князя Элдинга – Маляна – на вечерний чай. «Ночной уж тогда», – усмехнулся про себя Вэй. Очевидно, правитель княжества молний хотел познакомиться с новым князем Ванлинда и намеревался сделать это до конца перемирия, от которого оставалось не более нескольких часов.

Вэй не против. Он не знаком с князем Элдинга лично, но слышал, что Малян не высокомерен, весел нравом, даже на грани озорства, если что задумал, то действует быстро, любит музыку, чай и шашки.

Малян – сын основателей Элдинга и прожил уже немало лет даже по меркам музыканта, но ни разу не женился и не завёл наследников. Законных, по крайней мере. Многие гадают, что будет с молодым княжеством, когда старость, немощь и смерть будут дышать князю в затылок. И многие, в том числе и Вэй, сходились во мнении, что день смерти князя обернётся для Элдинга новой войной за независимость от Шуйфена.

Но это будет вовсе не его проблемой, решил Вэй и, не увидев в приглашении ничего подозрительного, принял его. Однако стоило ему переступить порог шатра, как тут же внутренне напрягся. В шатре находился не только князь Элдинга, но также княгиня Лердэ, княжна Шуйфена, князь Койдена и целая свита народа. Не хватало только князя Ирианда, но, судя по цветам одежды тут были и его представители. Наверняка пришли передать приветствие. Но чтоб все разом?

Что за внезапный совет в ночь перед концом перемирия?

– Князь Вэйлин. Рад вас видеть, – защебетал князь Малян. – А мы только вас и ждём. Присоединяйтесь к чаепитию. О, и примите соболезнования о вашем отце. Достойный был человек.

– Благодарю, князь Малян.

Вэю ничего не оставалось, кроме как принять предложение, и поддержать разговор парой вежливых фраз. Вся эта ситуация всё ещё вызывала у него дурное предчувствие. Но теперь некому стоять рядом. Вэй сам стал князем, и отныне справляться со всем придётся самому.

– Мы тут затеяли небольшой спор и надеемся, что вы поможете разрешить его, – перешёл к делу Малян.

– Какого рода спор? – нарочито беззаботно отозвался Вэй, делая глоток чая.

– Мы поспорили, должен ли правитель княжества владеть искусством музыки.

– Разве в этом споре могут быть аргументы? Трон княжества передаётся по наследству.

Талант музыканта – нет.

И хоть Вэй не намекал ни на кого конкретного, а лишь констатировал факт, князь Койдена – Арден – явно принял слова на свой счёт и нескоро забудет. Вэй мысленно отругал себя за ошибку.

Арден ещё в юности прослыл одарённым музыкантом дерева. Каково же было его разочарование, когда ни сын, ни дочь не унаследовали этот дар. Говорят, сколько бы он ни изнурял их тренировками, они едва ли могли заставить прорасти семя в цветочном горшке. Из-за этого князь всё более опасался за будущее своего дома.

Кроме того, князь Арден знал, что у сына завязались приятельские отношения с Вэйлином, что только подливало масла в огонь. Арден подозревал, что соседнее княжество таким образом оказывает неблагоприятное влияние на наследника Койдена. В результате делал всё, чтобы среди придворных были мудрые и умелые люди, которые бы направляли его сына и политику Койдена в нужное русло. Мнение самого молодого князя на этот счёт не спрашивалось.

«Это он ещё не знает, сколько его сын мне денег задолжал», – умиротворённо подумал Вэй, попивая чай.

– Но ведь умения князя – это лицо и репутация княжества, – вступил в разговор Арден. – Правитель обязан являть собой пример для подражания и вдохновлять других. Особенно других музыкантов. Они – основа военной силы. Вы, князь Вэйлин, насколько я слышал, наделены многими талантами, в том числе и талантом заклинателя. Не продемонстрируете? Я готов вам подыграть.

Вэй замер с чашкой в руке. Князь Арден всегда разговаривал дружелюбно и вежливо, но выражение лица выдавало его истинное отношение к человеку. Всякий раз в прошлом, когда Арден видел Вэя, то поджимал свои широкие губы, прежде чем выдать формальную улыбку.

Вот и сейчас он явно решил отомстить за сказанное Вэем. А также оценить нынешнюю силу и решимость Ванлинды и показать Вэйлину, что с Койденом шутки плохи, чтобы тот ни задумал насчёт его наследника. Гениальный выпад – ничего не скажешь.

Князь Малян тут же с воодушевлением захлопал в ладоши.

– Прекрасно! Никогда не слышал мелодии ветра и дерева вместе. Любопытное, должно быть сочетание!

Он тут же сделал знак рукой, и к столам вынесли две цитры. «Ну почему именно цитры, – вздохнул Вэй. – Интересно, они заранее сговорились с князем Койдена, или это Ардену так повезло с инструментом, на котором он умеет играть, а я – нет».

Более того Вэй мог играть только конкретные мелодии ветра, он не занимался свободным музицированием с тех времён, как учился в Долине.

– Не стесняйтесь, князь Вэйлин. Я точно слышал, что вы учились музыке. Если вы не умеете на цитре, то, прошу вас, берите любой инструмент.

«Вот ведь старый лис. Знает же, что не умею, и нарочно использовал эту формулировку». Вэй мягко улыбнулся, оттягивая момент позора.

Краем глаза он посмотрел в сторону, где сидели другие участники собрания. Княгиня Лердэ спокойно пила чай, всем видом демонстрируя, что всё происходящее для неё – пустая суета. А вот княжна Шуйфена, которая явно прибыла сюда вместо не признающего Элдинга отца, смотрела на Вэя любопытным и оценивающим взглядом.

– Князь Арден, мой брат недавно повредил руку. Ему всё ещё трудно играть. Если вы позволите, я заменю его, – раздался спокойный голос у входа.

Все обернулись и увидели тёплую улыбку на кротком лице второго князя Ванлинды. Кажется, этому человеку не ведомы ни волнения, ни гнев, его всегда окутывал лёгкий весенний ветер. И, конечно, столь мягким характером легко помыкать – так все думали.

– Прошу, господин Сюнлин. О ваших талантах я тоже слышан! – воодушевился Малян, а вот Арден заметно скис.

Про музыкальный талант Сюнлина было известно далеко за пределами Ванлинды. А с тех пор, как Сюн показал себя на поле боя, его слава пошла ещё дальше. Самые бесхитростные, как князь Элдинга, мечтали схлестнуться с ним в музыкальной дуэли. Самые осторожные, как князь Койдена, опасались делать это публично. Ничего не стоило унижить такого посредственного музыканта как Вэйлин, а вот с его братом всё могло обернуться по-другому.

Однако было в этой дуэли и кое-что ещё. Завтра Союзу шести княжеств предстоит встретиться с императором Рейтаном. И вплоть до последнего дня в лагере Союза не утихали негласные споры, от какого княжества будет выбран посланник. Похоже княжество дерева, прибывшее на поле боя лишь недавно, изо всех сил отыгрывало политические очки перед представителями других княжеств.

Сюн, конечно, не знал из всего этого ни капли. А потому Вэй напряжённо смотрел, с какой непосредственностью его брат принимает вызов. Однако Вэй не остановил, а ответил кивком на его взгляд.

Вопреки всеобщим ожиданиям, Сюн не достал флейту, а сел за предложенную цитру. У князя Ардена дёрнулась бровь. Он ведь точно слышал, что Сюнлин использует только флейту. Но в следующий миг добродушно улыбнулся и сделал знак открытой ладонью.

– Начинайте.

Сюн знал, что мелодии дерева всегда имеют неспешное начало, а потому нежно коснулся струны, породив мягкий звук – будто семечко упало в землю. Семя растёт из земли медленно,

превращается в росток и вытягивается к солнцу. И когда становится достаточно высоким, то встречает все опасности и перемены вокруг.

Князь Арден вступил в партию, и его первая нота прозвучала ярко, словно внезапно вскричал ястреб и затаился среди сладкозвучного шелеста листьев. Сюн принял вызов и мягко перешёл на более волнующую мелодию.

Князь пытался вставить свою, изменяя её поток, но Сюн ловко подстраивался под любое звучание, вторя атмосфере и рисуя музыкой яркие картины. Так взращенное дерево, в котором притаился ястреб, всколыхнулось от потока ветра, а вместе с ним заволновался и весь лес. Из-под пальцев Ардена вылетело ещё несколько звуков, как будто вспорхнула стая потревоженных птиц.

Сюн подхватил настрой, и его мелодия последовала за «птицами». А «ястреб» Ардена стремительно вылетел из укрытия и кинулся с воинственным кличем в атаку. Сюн слегка улыбнулся. Он изначально уступил князю, начав мелодию с древесных мотивов, и был готов гармонично развивать их музыкальную беседу, но князь решил побить его на его поле и сразиться в «полёте птиц». Да будет так.

Сюн больше не сдерживался. Он вошёл в раж и начал использовать каждый звук соперника как начало собственного, перехватывая мелодию на ходу, плетя её так умело, словно сочинял много лет, а не импровизировал на ходу.

Арден никак не мог перехватить инициативу, его ястреб начал задевать когтями кроны деревьев, спотыкаться, а добыча впереди всё ускорялась. Потом она внезапно взлетела вверх и, сделав круг, спикировала вниз, словно дразня незадачливого хищника. Ястреб издал воинственный крик, словно в последней попытке напугать соперника, но ветер подхватил этот звук и унёс к облакам.

Пальцы Сюна натягивали струны как тетиву, и каждый звук становился золотой стрелой, разрывающей полотно неба.

Ястреб заметался. Стрелы летели в него золотым дождём, и птица уже думала только о том, как спастись.

Музыка Ардена ускорялась, но её догоняли. Преследовали играючи. Без скрытых угроз. На чистом азарте. На миг ястребу, казалось, удалось оторваться. Он сделал крутой вираж, как вдруг золотая стрела, только и поджидавшая его, вонзилась прямо в сердце.

Мелодия резко закончилась двумя синхронными нотами. В шатре повисла тишина, в которой всё ещё отражалось эхо последнего «выстрела». На висках князя Ардена выступили капельки пота. Сюн сидел с мягкой улыбкой без намёка на усталость. Он явно получил удовольствие от дуэли и ярко закончил её, подловив соперника на следующем шаге. И в глазах других это даже выглядело как милосердие над старым князем, который уже явно спотыкался и не мог продолжать партию. Полный разгром.

Сюн мягко сыграл ещё четыре ноты, и в шатёр залетел прохладный ветерок, остужая накалённую атмосферу. Только тогда все очнулись и смогли нормально дышать.

– Это... было потрясающе, господин Сюнлин! Как вам так легко удаётся плести мелодии? – примирительно сказал князь Малян.

– Вдохновение не будет объяснять. Оно всегда поёт. Благодарю князя Ардена за урок, – улыбнулся Сюн и сложил руки в почтительном жесте.

Если бы не его ясное лицо и мягкая улыбка, которые, казалось, всегда отражают лишь правду и простодушие, можно было бы подумать, что Сюн издевается. Впрочем, Вэй отлично знал, что его брат способен подтрунивать и проявлять озорство. Это пробуждало в нём живого человека, который заснул в его сердце много лет назад после ухода матери. И лишь две вещи могли снова его пробудить и пробить на эмоции: музыка... и Лань.

Все зрители выходили из шатра под впечатлением. Сюн подошёл к Вэю и тихо спросил:

– Прости, я увлёкся. Я ничего не испортил?

– Нет. Ты поразил одной стрелой нескольких птиц, – усмехнулся Вэй.

Койден и Элдинг хотели посмотреть, каков новый князь Ванлинда. И получили если не ответ, то красноречивое предупреждение: «Даже в момент слабости княжества Ванлинд его всё ещё защищает могущественная Долина Ветров».

– Я только вернулся и искал тебя. В лагере мне сказали, что ты тут. Хотел подождать снаружи, но услышал, на что тебя подбивают, – объяснил Сюн своё появление.

Вэй задумчиво кивнул. Что теперь предпочтёт старый князь Койдена? Затаить обиду или наладить связи? Вэй не думал, что ему придётся стать князем так рано, и потому заделал лишь будущую основу сотрудничества с нынешним молодым князем. Но в ближайшие годы ему всё же придётся иметь дело с его отцом, а это иное.

– Вэй? – позвал Сюн.

– А, всё в порядке. Ты меня просто спас от позора. Я бы так точно не смог. Однако не знал, что ты умеешь играть на цитре.

– Упражнялся потихоньку ещё в Долине, – пожал плечами Сюн, словно это был пустяк.

– Мы с дядей иногда так играем на разных инструментах, и его «птицы» куда проворней, чем у Ардена. Правда дядю я никогда не пытался «подбить». С ним мы просто «беседуем».

– Воистину твой талант – величайшее сокровище Ванлинда и Долины, – серьёзно сказал Вэй.

– Да ладно тебе, – смутился Сюн и снова стал похож на любимого младшего брата.

Некоторое время до своей части лагеря они шли молча, пока за их спинами не возникли две знакомые тени и не пошли следом.

– Слышал, ты удрал от стражи, – громко обронил Вэй.

– Слышал, ты посылал за мной стражу, – был ответ.

Два человека за их спинами потупили взгляды. Вэй изумлённо глянул на невозмутимое лицо Сюна и расхохотался. А он-то думал, что чувство юмора его брата заledenело в шестилетнем возрасте... если, конечно, это был юмор. Что же его растопило?

Когда шлейф звонкого смеха стих, Вэй откашлялся и спросил уже спокойно:

– Как твои поиски?

Вместо ответа Сюн печально опустил голову. Вэй не стал настаивать, только заметил, что Сюн держал в руках подсохший цветок эдельвейса.

* * *

– Твоё впечатляющее выступление позволило мне продавить нашу позицию. Гонец с посланием императору будет от нашего княжества, – объявил Вэй утром.

Он уже успел проснуться и провести необходимые политические встречи, когда Сюн только умылся и привёл себя в порядок. Сюн не понимал в политике ничего, но в душе восхищался деятельностью брата, поэтому подыграл:

– Это важно. Ты хорошо поработал.

Вэй сделал вид, что поверил, будто для Сюна это действительно имеет значение.

– Это ты молодец. Князь Койдена ещё не скоро забудет такое унижение.

– Разве ж это хорошо? – наклонил голову Сюн.

– Зависит от него. В любом случае свои очки на доске мы отыграли. Вопрос теперь, кого отправить с посланием.

– Отправь меня.

– Тебя? – удивился Вэй.

– Это же было моё выступление. Разве это не ожидаемо?

Вэй во все глаза уставился на Сюна, тот отчего-то отвёл свои.

– Ожидаемо, – медленно ответил Вэй, – но я думал, что тебя это не интересует.

– Почему бы и нет?

Вэй прищурился, но не нашёл в поведении Сюна ничего подозрительного. В конце концов, его брат действительно теперь вовлечён во всё это – как важная фигура на поле боя, как второй князь Ванлинда. И хорошо, если он научится хотя бы держаться на плаву в этом море с акулами, а уж сражениями и штормами займётся Вэйлин.

* * *

Из-за яркого солнца земля казалась раскалённо красной, несмотря на приятную прохладу осени. В Редауте всегда было теплее, чем на основной части Равнин, и местный восточный ветер имел особенный характер. И пусть музыканты ветра уже подстроились под его звучание, горячий ветер всё же не был им «родным».

Сюн смотрел, как посреди поля расставляли столы и стулья, а далеко позади выстраивались вооружённые отряды. И хотя сегодня не планировалось бить, никто не собирался рисковать и доверять «вероломному императору». Вдалеке от места переговоров виднелись очертания зловецей в своей репутации Железной крепости, и никому не хотелось оказаться в её застенках.

Со стороны границы поставили шесть столов для князей. Рядом с каждым могли встать двое доверенных людей. Сюн уже знал правителей Элдинга и Койдена – Маляна и Ардена. Княгиню Лердэ Лирию видел вчера.

Вэй не без восхищения рассказывал, что эта женщина твёрдой рукой удерживает власть после смерти мужа. Из-за того, что у них в браке родилось лишь двое дочерей, и те пока неопытны в управлении, многие предсказывали развал и произвол придворных после кончины князя. Но княгиня пресекла все их попытки, и сама заняла трон... и в результате своим правлением затмила даже мужа. В народе шутили, что правит Лирия княжеством земли, но характер у неё из железа.

Сюн мельком глянул в её сторону. Идеальная, полная достоинства осанка, сложенные на коленях ладони, обтянутые тонкой, почти прозрачной кожей скулы, тонкие накрашенные губы и высокая причёска, из которой не выбивалось ни волоса – всё в её облике говорило: «Перед тобой почтенная госпожа». Рядом с ней стояли две девушки, которые старались держать такое же строгое выражение лица. Судя по семейному сходству, это были две княжны, и только у одной был музыкальный инструмент.

Слева от неё за своим столом сидел князь Ирианда – Рианфэй. Про него Сюн ничего знал. Только то, что Рианфэй был из более молодого поколения, в отличие от других правителей, не считая Вэйлина. Со слов Вэя, музыкой Рианфэй занимался исключительно для поддержания собственного здоровья и статуса. Мало и неохотно участвовал в политике за пределами княжества, но упрямым дураком не был и своим умом понимал, что война меняет расклад. А потому содержал армию в порядке и даже заключил договор с Ванлиндом на поставку оружия... которое Ванлинд после войны, конечно, должен вернуть в полном объёме. В конце концов, если бы Ирианд так легко раздавал магическое оружие, то быстро утратил бы на него исключительное право и вместе с тем и преимущество.

По этой причине музыканты металла, которые рождались в других княжествах, могли приехать в Ирианд развивать своё искусство только с условием, что останутся работать в княжестве ещё на пятнадцать лет. Расчёт оказался верен, и многие музыканты за это время заводили в Ирианде семьи и оставались его жителями. Так искусство заклинания металла не существовало практически нигде, кроме самого Ирианда. А если где-то появлялся большой умелец, то его старались переманить... по-хорошему или по-плохому.

А вот с нравом Шуйфена Сюн успел познакомиться за множество битв. И хотя князя Ошранда встретил впервые, даже спиной ощущал, как звенит вокруг него воздух, словно на морозе. Кажется, подойди ближе – и почувствуешь, как множество ледяных осколков впивается в кожу.

Вэй рассказывал про него чаще и больше, чем о других, и совсем не добрыми словами: «Даже теперь, когда мы с ним оба князья, Ошранд по-прежнему смотрит на меня как на таракана на белой скатерти. Он и раньше не был особо гибок в переговорах, а после смерти молодого князя и подавно. Упрям как камень и изворотлив как уж. Это ли природа изменчивой воды, что он заклинает?»

Однако кое-что в рассказах об Ошранде не сходилось. О князе воды говорили: «Единственное, на что Ошранд смотрит с любовью – это охотничьи трофеи, которые он выделяет собственными руками. И более ничто и никто не достаивается его улыбки». Но то, какой скорби князь предался после смерти сына, удивило многих...

Молодой Реншен пал в расцвете лет, и теперь, помимо дочери, у Ошранда остался лишь младший малолетний сын. В будущем вся тяжесть ответственности за княжество теперь ляжет на него, и люди Шуйфена шёпотом уже стали называть молодого князя несчастным ребёнком.

«Говорят, если бы огонь не распяляла принцесса ветра, у Реншена бы хватило сил отбиться. Поэтому Ошранд вскипает при одном упоминании о ней и готов превратить в труху весь Редаут. Боюсь, бои теперь будут особенно жестокими», – сказал однажды Вэй. Он хотел, чтобы брат это знал, даже если тяжело.

Сюн мельком взглянул на стол Шуйфена. Рядом с Ошрандом стояла его дочь княжна Амэя, которую Сюн поприветствовал кивком, но ответа не получил. Второе место пустовало. Оно явно предназначалось погибшему Реншену.

Солнце добралось до своего зенита и напоминало золотую монету на голубом бархате. Но со стороны Редаута так никто и не пришёл. Не было ни войска, ни стола для императора, ни слуг, которые бы готовились к приезду правителя.

Ситуация выглядела так, словно князья пришли покрасоваться и показать собственную важность, но единственный, кому предназначалось это представление, со скукой его проигнорировал. За столами начались недовольные разговоры. Князь Койдена нетерпеливо ёрзал на стуле. Князь Элдинга, несмотря на свою обычную миролюбивость, тоже хмурился. Князь Ирианда постукивал пальцем по столу, а княгиня Лердэ, ни разу не изменившись в лице, попивала чай. Наиболее разозлённым выглядел правитель Шуйфена.

– Этот ублюдок издевается над нами, – сказал он негромко, но слова сочли убийственным намерением. Веер в его руке треснул.

– Допускаю, что так и есть, – проговорил Вэй так тихо, что слышать его могли только рядом стоящие Сюн и Аксон.

Сюн не стал отвечать, но был уверен, что император появится. И примерно два часа спустя, когда напряжение и гнев достигли пика, и все уже собирались уйти, впереди показалась карета. Её сопровождал отряд вооружённых воинов и несколько музыкантов. И никакого войска.

Карета остановилась, дверца открылась. Все замерли в удивлении и ожидании. Из кареты вышел статный мужчина с длинными чёрными волосами, свободно рассыпанными на спине. Если он музыкант, то ему могло быть и сорок лет, и шестьдесят, и семьдесят. Он расслабленно размял плечи, как будто на него сейчас и не смотрели тысячи глаз. Повернулся обратно к дверце и подал кому-то руку.

У Сюна заколотилось сердце. Из кареты вышла тонкая девушка в чёрно-золотом платье и золотом в каштановых волосах. Издалека было трудно рассмотреть лицо, но Сюн знал, что она придёт. Именно поэтому она и появилась вчера на окраине. Именно поэтому, он и вызвался быть посланником.

Слуги, шедшие за каретой, поспешно поставили стол и стул. И под всеобщее удивление всего Союза княжеств мужчина за него сел.

– Это и есть император? Вот так приехал без войска?

– Да не может это быть он!

– И ведь совсем не боится, что мы нападём.

Император не мог прибыть с такой малой охраной – в этом были уверены все. Изда- лека многие бы решили, что перед ними скорее принц Айварс. Но всем известно, что первого принца, которого опасались все княжества, убил ценой своей жизни князь Ванлинда. И если это не Айварс, то...

Князя подозревали послов, которым доводилось когда-либо видеть императора Рейтана на официальных аудиенциях. Вердикт всех одинаков: «Изда- лека трудно сказать наверняка, но очень похоже, что это он». Князя ещё раз внимательно осмотрели человека за столом. Он расслабленно откинулся на спинку стула и одной рукой держал вино, а другой пощипывал струны цитры.

– Вот это наглость. Тогда это точно Рейтан.

– А кто рядом с ним? Неужели принцесса ветра?

Все взгляды устремились к девушке, стоящей с опущенной головой подле императора. Никогда ещё её не видели так близко, хоть и не могли в полной мере рассмотреть лицо. Сюн мельком глянул на Хранителя Долины, лицо которого не выражало ничего, и на миг облегчённо выдохнул.

Но тут император сделал жест рукой, и принцесса, присев перед ним в поклоне, медленно пошла вперёд. Сердце Сюна взволнованно заколотилось, но выражение лица не изменилось. Он кивнул Вэю и пошёл навстречу.

Сюн и Лань встретились на середине поля под взглядами тысяч людей. Глаза в глаза. Без капли удивления. Они оба всё знали.

– Аилань, двенадцатая принцесса Редаута. Представляю своего отца-императора. – Она присела в официальном поклоне.

«Значит, её зовут Аилань».

– Сюнлин, второй князь Ванлинда. Представляю своего брата – князя Ванлинда и Союз шести княжеств. – Сюн сложил руки в приветственном жесте.

Они говорили негромко, и за столами их не слышали. Вэй прихватил с собой веер и спрятал за ним нижнюю часть лица. Из-под веера раздался тихий свист. Ветер задул в его сторону и доносил обрывки слов:

– Сюн, я не могу его остановить. Никто не сможет... Он и рад будет, если нападёте. Здесь ловушка...

Вэй удивлённо поднял брови, и догадка метеором блеснула в голове. Вэй краем глаза посмотрел на Хранителя Долины. Тот щурился, словно силился рассмотреть, а потом его глаза удивлённо расширились. Вэй перевёл взгляд на принцессу, а потом на императора вдалеке, который по-прежнему играл на цитре и ни о чём не волновался. Но вскоре его движения стали нетерпеливыми и порывистыми, и в воздухе прозвучал жуткий стон почти порванной струны.

Сюн почувствовал, как Лань вздрогнула. Она опасливо глянула назад.

– Мне пора, – быстро сказала она. – Какое сообщение у Союза?

– «Редаут должен заплатить другим княжествам компенсацию за все разрушения и потери от рук его принцев. Сумма будет оговорена отдельно, и решение прислано в Обсидиановый дворец. Также Редаут обязан сократить численность своей армии наполовину и распустить две трети отрядов музыкантов. Восемь из десяти школ огня должны быть закрыты. Войско, состоящее из людей всех княжеств, будет размещено на границе, чтобы контролировать исполнение договора».

– Император никогда не согласится на такое...

– Они и не ждут, что он согласится, – вздохнул Сюн.

Лань передала Сюну сообщение императора, отвернулась и быстро засеменила прочь. Сюн несколько мгновений смотрел ей вслед, а потом вернулся к своим.

– Ну и что решил сказать нам император? – громко поинтересовался князь Шуйфена.

– Он сказал: «Тех, кто осмелится прийти, я буду ждать у своего порога. К тем, кто не осмелится, я приду сам. Сдавайтесь, или ваш пепел развеет восточный ветер», – передал Сюн слово в слово, но тут же осёкся.

В этом сообщении же очевидный намёк на роль Лань в войне! Император нарочно обратил гнев всех князей на неё? Сюн мысленно обозвал себя тугодумом, но исправлять сказанное было уже поздно.

– Да за кого нас держит этот самоназванный император и его дочурка?!

– Развязал войну, ещё и издевается!

Всеобщее возмущение подавил громкий хохот. Он был слышен даже с того конца поля. Это Рейтан смеялся над требованиями князей, и от его смеха всё внутри леденело. Затем он сыграл на цитре неспешную мелодию, и все даже сквозь обувь почувствовали, как раскаляется земля.

– Отец-император! – в ужасе воскликнула Аилань.

– Посмотри на них. Как ужи на сковородке! Не бойся, не стану. Я ведь уже пригласил их на порог как радушный хозяин.

Рейтан закончил мелодию резким звуком, встал и направился к карете. Слуги поспешно забрали цитру, стол и стул. Аилань в последний раз оглянулась на стройную фигуру в белом.

Перемирие окончено. Завтра начнётся война...

Сюн почувствовал, что земля остывает. Разбуженный жар будто снова уснул глубоким сном.

– Демоны... – проговорил кто-то, – Он что, вызывал из-под земли огненных демонов?

– У него вместо армии демоны?

– Хватит молоть чушь. Это явно был какой-то трюк.

Сюн оглянулся на восток, но Лань... Аилань уже скрылась в карете. К нему сзади подошёл Аксон.

– Сюнлин, это же была...

– Я знаю! – резко ответил Сюн, чуть громче, чем следовало, и поспешил покинуть поле.

Аксон застыл от такого ответа как вкопанный. Вэй молча смотрел брату вслед. Однако на этот раз не собирался проявлять тактичность.

Вэй влетел в шатёр и застал Сюна за музыкой. Тот играл мелодию исцеления, и почти завядший цветок эдельвейса вдруг наполнился влагой, встрепенулся и снова стал свеж. Вэйлин бы похвалил брата за успехи в музыке, но не в этот раз.

– Сюн, мне нужен прямой ответ, – он был как никогда серьёзен. – Это была Лань?

Сюн молча кивнул, в его глазах застыла горькая печаль. Вэй глубоко выдохнул и постарался сохранить спокойный голос:

– Ты знал?

Сюн покачал головой.

– Недавно понял. Когда услышал свою мелодию на той стороне. Я сам давал Лань эти ноты.

– Сюн, это всё усложняет.

– Знаю...

– Принцесса, заклиная ветер, давно стала военной целью. Я могу приказать не убивать её, а пленить живой, но Шуйфену не прикажешь. Принцесса распалила пламя, в котором гибли и наши люди. И чем больше крови будет между нами, тем тяжелее последствия. Скажу откровенно, Сюн. Я не вижу хорошего исхода.

– Она хочет уйти оттуда, но не может. Там её семья.

– Её отец-император, развязавший войну.

– Нет. Она никогда не говорила об отце, лишь о младшем брате и старшей сестре. Она любит их.

– Это которых? – в раздражении бросил Вэй, и Сюн принял это как должное наказание. Конечно, Сюнлин утаил не пустяк, и его брат злится.

– Эмин и Виета.

– Понятно, – вздохнул Вэй и взял себя в руки. Что толку вымещать досаду на брата, которому и без того тяжело? – Будь они обычными людьми, можно было бы помочь и тайно вывезти их, но принца с принцессой... не раньше, чем мы возьмём штурмом Обсидиановый дворец. Но тогда, боюсь, уже будет поздно. Сюн... тебе придётся остановить её ветер. Другого варианта я не вижу.

– Как?

– В бою, конечно. Как ещё? Чем быстрее закончится война, тем лучше будет для всех сторон. А там посмотрим, что можно сделать. Но сможешь ли ты?

– Я сильнее как музыкант, но на её стороне восточный ветер, поэтому...

– Я не об этом спрашивал.

Вэй смотрел на него серьёзными глазами, а Сюн не мог поднять свои.

– Если я не остановлю её, – наконец медленно произнёс Сюн, – то другой может убить.

Поэтому да – смогу.

Сюн посмотрел брату в глаза, и в его взгляде отражалась печальная решимость.

«Их связь – их боль и беда. Эта война – их трагедия, – мрачно подумал Вэй. – Стоило ли в душе Сюна расцветать надежде, если она вот так...» Вэй тряхнул головой и хотел сказать что-то ободряющее, а не раздражаться, но только успел увидеть пустой шатёр и как колыхнулся на выходе полог.

В это время снаружи кто-то быстро скрылся из виду. Личность принцессы ветра больше не была тайной.

3. Никто не выбирает

Огонь разгорелся на левом фланге. Все музыканты подтянулись туда. Объединённые силы шести стихий теснили пламя, но его поддерживал восточный ветер, и этого хватало, чтобы держаться. Торжественно пели трубы, звенели цитры, лиры и лютни, звучали флейты и шэны, глухо стучали барабаны. Множество мелодий слилось воедино, создавая хаос звуков, вспышек и взрывов.

Музыканты молний, хоть и неохотно, работали в парах с музыкантами воды, делая их водяные ловушки поистине смертоносными. Музыканты металла действовали в авангарде по центру, защищаясь от огня щитами, закалёнными магией. Музыканты земли и дерева стояли в арьергарде, чтобы обеспечить безопасное отступление. А ветер сражался с огнём напрямую.

– Джейдип! Мерали! Суан! Делия! Не пытайтесь сражаться с самым сильным пламенем. Действуйте там, где огонь слаб! – напутствовал Сюн сквозь шум битвы.

Музыканты послушно кивнули. Сейчас в отряде Сюна их всего четверо, но даже так Сюн не очень понимал, что с ними делать. Он мог быть хорошим наставником, но не командиром. Он слишком привык полагаться на одного себя. И чтобы объединить усилия отряда, Сюну приходилось играть вместе с ними стандартные, а не свои, мелодии, и это делало его слабее.

К тому же уровень мастерства владения той или иной мелодией тоже у всех разный. В комнате для занятий в этом не было ничего страшного, но на поле боя мешало идеальному звучанию. Сюн мог только своим примером вытягивать остальных, и это не давало ему глубоко погрузиться в музыку и воплотить весь её потенциал.

Однажды он спросил совета у дяди и получил неутешительный ответ:

– Отряды музыкантов не собираются спонтанно. Их тщательно отбирают по уровню и выстраивают в бою в соответствии с умениями. Я понимаю, что у тебя не особо велик выбор, но твой талант стал слабостью твоего отряда. Остальным за тобой просто не угнаться.

«Важна не только сила, но и унисон, как мы с Лань играли "Порхание бабочки". Даже сейчас будучи далеко, будучи слабее меня, она играет мои мелодии», – подумал Сюн.

Он высматривал её везде, где чувствовал ветер. Прислушивался к музыке, острым слухом пытаясь выцепить из какофонии звуков знакомую мелодию. Иногда так погружался в это занятие, что товарищам приходилось его окрикивать. Мерали странно на него смотрела. Сюн извинялся с вежливой улыбкой, но в скором времени проделывал это снова. Но что дальше? Что он сделает, окажись Лань прямо перед ним?

«– Лань, идём со мной.

– Прости, Сюн. Я не могу»

– Раз уровень разный, я опущу свой, – ответил дяде Сюн.

– Что уменьшит твой собственный потенциал, – вздохнул Аксон. – Твоё место не на поле брани в этом диком хаосе звуков и крови. Твоя судьба – сиять на вершине одинокой звездой.

– Я бы хотел выбрать более простую судьбу.

«Свободно бродить по свету и своей музыкой помогать людям...»

– Ах, мой мальчик. Многие бы отдали всё за твою.

Хранитель теперь часто появлялся на поле боя. Он прибыл на передовую с наставниками из Долины и других школ ветра. Они собрали вокруг себя самых опытных музыкантов и приходили туда, где тяжелее всего. В их части поля свирепые порывы ветра хлестали, как острые плети, и вонзались глубоко в плоть. Подходить туда опасались даже союзники.

Сражение шло удивительно гладко. Даже засада Редаута в роще провалилась с треском. В Койдене поговаривают: зайди в лес армия, где сидит музыкант, и она обречена. Заклинатели дерева были мастерами ловушек и засад. Их мелодии неспешны, эффект медленный, как рост

самого дерева, но, если тебя обвили корни, проткнули острые ветки, а листья застлали глаза, спасения нет.

Обычно. Только огонь мог победить дерево. Распаляемый ветром он сжёг рощу дотла. И когда пожар улёгся, и от деревьев остались почерневшие остовы, музыканты поняли, что редаутцам удалось сбежать. Князь Койдена не скрывал досаду.

На другом конце поля огненная лента змеёй вилась между рядами солдат, окружала неприятелей, раскаляла их доспехи, жалила в раны. Вторя ей, огненные шары летели ровно туда, где вражеские солдаты оказывались растеряны.

Восьмой принц Палин устало отнял трубу от губ. Дыхания уже не хватало, диафрагма горела изнутри как сам огонь, а враги подходили всё ближе, сминая ряды его воинов. Он оглянулся на брата – двенадцатого принца Айлуна, тот ещё старался играть, но его лицо от напряжения пошло красными пятнами. В конце концов и он выдохся. Палин снял со спины свой второй инструмент – морин хур¹, который был ему куда роднее трубы – и наиграл вокруг них с братом огненную преграду. Это позволило им обоим немного перевести дух.

За стеной огня всё ещё кипело сражение. Крики и лязг оружия врзались в уши и застревали давящим звоном в голове. Багровые отсветы плясали на мёртвых лицах заревом пожара. Окружающее пламя раскаляло воздух. Хотелось не вызывать огонь, а уйти в прохладное место. Но пасть смерти подползала всё ближе: твой огонь или огненная бездна – выбирай.

– Палин... – произнёс Айлун голосом тихим и ясным с ещё сохранившимся детскими нотками. – Отец-император не придёт нас спасти, так ведь?

Палин молчал. Он вообще не знал, что они с братом тут делают. Зачем всё это? Ради чего? До последнего они старались отсидеться во дворце и не попадаться на глаза императору. Все вести о смерти других принцев встречали с тревогой. Айлуну часто снились кошмары о том, что и он оказался на поле боя – один перед волной всеобщей ненависти, готовой его поглотить, выпустить кровь и растереть в пыль кости. Он боялся этого больше всего на свете.

Но когда война пересекла границы Редаута, император никому не позволил бездействовать. «Защищайте свою родину или умрите как предатели», – приказывал он. А если всё равно умирать, то пусть хотя бы свои не ненавидят.

Крики становились ещё громче, сражение подбиралось всё ближе. Сквозь колыхание языков пламени Айлун видел, что враг рядом, а огонь всё слабел.

– Палин...

– М?

– Можешь сыграть для меня «Волю солнца»? Я так и не смог её освоить.

Айлун протянул деревянную окарину, которую Палин вырезал для него когда-то в детстве.

* * *

Закат горел ало-золотым шёлком. От тяжелого воздуха болела голова и мучила жажда. Музыканты Ванлинда призвали с запада свежий ветер, но помогло ненадолго.

Первый же день атаки объединённой армией завершился оглушительной победой. В лагере играла музыка и светились огни. Сюн брёл по притихшему полю боя и старался не наступать на трупы... но слишком уж много тел усеяло землю. Они лежали друг на друге, конечности торчали из бесформенных куч. Грязь, пыль и кровь настолько покрывали одежду и доспехи, что порой было не различить, к какому княжеству принадлежал павший.

Сюн не знал, что он тут ищет. Лань... Аилань не должна быть здесь. Её защитят, сберегут, чтобы снова бросить в бой её ветер. И от этого осознания сжималось сердце. Сюн споткнулся о чью-то ногу и заметил на земле двух мёртвых молодых людей. Один был постарше, другой

¹ Морин хур – двухструнный смычковый музыкальный инструмент

едва вышел из детства. Они лежали лицом друг к другу, и их тёмные от высохшей грязи и крови руки сжимали маленькую деревянную окарину.

Сюн достал флейту и сыграл их душам прекрасную, как звёздный свет, и печальную мелодию.

Когда он поздно ночью вернулся в лагерь, там всё ещё продолжалось веселье. Воины превратили все поверхности в столы и стулья и наслаждались пиром. У костров обсуждали войну.

– А всё-таки правильно решили князя единой силой ударить! Ну тыкались мы по двум фронтам, да только это больше *на*сразделяло, чем Редаут. А тут один бой все вместе – и как далеко продвинулись!

– Слышал, в этой битве и принцы сражались. Погибли, наверное. Где их теперь среди тел найдёшь, да и как выглядят?

– Наверное, погибли. Не Айварс всё-таки. Хорошо, что Ванлинд его прикончил!

– Интересно, императору вообще всё равно? Породил столько детей и всех отправил на убой. Ну где это видано для отца?

– Это для нормального отца не видано, а Рейтан не нормальный. Не человек явно. Чудовище!

– Ну-у, рогов и копыт у него нет. Я его видел издали на переговорах.

– Да кабы и были! Гнилое нутро не изменят.

– Но принцессу ветра император всё же бережёт. Никому к ней не приблизиться. Любимая дочка, видать.

– Ага, отправил шпионить в Долину Ветров. Она там всем секретам выучилась и теперь против своих же соучеников и наставников применяет. Вот где гнилое нутро! Взрастил Хранитель врага, пригрел ядовитую змею. Хоть и по незнанию.

Сюн остановился как вкопанный и резко обернулся к компании солдат.

– Что вы сказали? – проговорил он, но его никто не услышал. Солдаты продолжали беседовать между собой и перешли на другие темы.

Сюн сжал и разжал кулаки. Он еле сдержался от того, чтобы броситься к солдатам и потребовать ответ, кто им такое сказал. Вместо этого он отвернулся и почти бегом бросился к шатру брата.

– Вэй!

Вэйлин вздрогнул от его внезапного появления. Он вернулся с совета и только переоделся, как Сюн влетел к нему. Порыв ветра из-под полога задул половину свечей.

– Что случилось? – посерьёзnel Вэй.

– Ты слышал, что говорят о Лань? Откуда они знают, что она училась в Долине?

Вэй облежённо выдохнул. Очевидно, до него эти слухи уже дошли.

– Не знаю, Сюн. Я ничего не говорил. Дядя тоже не стал бы так портить репутацию Долины. Но на совете с него спросили, и он подтвердил, что Лань действительно скрывает своё имя и происхождение и училась ветру в Долине. Отрицать уже было бесполезно. Мне даже пришлось напомнить князьям, что и к ним во все времена шпионы заходили. А то уж больно взъелись.

– Лань не шпионка. Неужели все думают, что она специально училась для войны?

– Именно так они и думают. Ничего не поделаешь.

– Но это неправда! Я не верю!

Вэйлин глянул на него искоса. Свет свечей мерцал золотистыми пятнами на тряпичных стенах и его лице.

– Если тебе от этого легче, я тоже так не думаю. Если бы её и впрямь послал в Долину император, то уж с его-то богатством и связями обеспечил бы ей идеальную рекомендацию и биографию. За деньги такое покупается легко. Но ты говорил, что она пришла как бродячий

музыкант. И, если бы не твоё случайное вмешательство, то её бы и на порог не пустили. К тому же война началась много позже, и ей ничто не мешало закончить обучение и уже потом вернуться в Редаут. Нет, скорее всего, император ни о чём не знал. А когда узнал, то просто воспользовался её ветром для войны.

Вэй верил в невиновность Лань не из-за чувств Сюна, а из собственных рассуждений. Но хотя бы так. Сюн глубоко выдохнул. Меньше всего ему хотелось спорить с собственным братом о том, что Лань не лгала, что всё проведённое с ней время не было ложью. Не было ведь? Так?

– На твоём месте, Сюн, я бы всё-таки проверил, откуда пошли слухи. Про Лань знали только мы с тобой и дядя. Наставники из Долины не были так близко на переговорах, чтобы увидеть и вспомнить её лицо. Кто ещё тут может знать?

Сюн задумался, и через несколько мгновений его глаза расширились от понимания. В тот день сразу после разговора о Лань Сюн встретил у шатра...

«Отряд господина Сюнлина» сидел у костра и наслаждался спокойной ночью. Джейдип обгладывал с косточки прокоптившееся мясо. Мерали теребила на коленях кисточку от пояса. Делия приглядывала за пирогом над углями. Суан делился историями из мастерской отца.

– Я тоже однажды делал пирог над огнём прямо во дворе мастерской. Печь была занята маминым кулинарным «шедевром», и я решил, почему бы и нет? Только решил, что вместо кастрюли пирог должен парить прямо над углями. Так он лучше пропечётся. Угадайте, что у меня вышло?

– Пирог сгорел?

– Пирог не взлетел?

– Пирог улетел в небо, а потом плюхнулся на макушку незадачливого прохожего?

– Пирог взорвался, – ответил Суан.

– Чего?!

– Как так?!

– Любопытно...

– Я и сам не понял. Я всё делал по маминой кулинарной книге, и там под рецептом были написаны ноты. Я не понял, к чему они, но попробовал сыграть. Сначала ничего не произошло, а потом кааак... подозреваю это была мелодия огня, и я что-то не так сыграл. Молодой был, глупый.

– Ты и сейчас молодой и глупый.

– В общем, отец застал меня во дворе по уши в овощной начинке. Ну и горячо ж было! С тех пор я не использую музыку в кулинарии. Могу только призвать ветер, чтобы чай мне остудил.

– Это святотатство – призывать ветер для такого, – возмутилась Делия и наконец сняла пирог с огня. Этот не взорвался.

– Признаться, я сам раньше так делал. С чаем, я имею в виду. Взрывать пироги не пробовал.

Все обернулись на голос и вскочили... кроме Мерали.

– Господин Сюнлин!

Сюн улыбался им добродушной улыбкой.

– Суан, твоя мама случайно не из Редаута? – спросил он.

– П-почему вы так решили? – испугался Суан.

– Раз в её кулинарной книге нашлась такая мощная мелодия огня.

Сюнлин спрашивал спокойно, всё ещё улыбаясь, но Суану отчего-то казалось, что ему сейчас откусят голову. Остальные тоже странно на него посмотрели. Сюн понял, что ошибся. Не стоило спрашивать вот так при всех.

– Прости. Я не имел в виду ничего плохого.

– Ну... моя мама и правда из Редаута, – понурил взгляд Суан.
– Уверен, твоя мама – замечательный человек. Никто не выбирает, где родиться. Только то, что с этим делать. Я спросил просто так и не подумал о твоих чувствах. Прости меня.

Суан тут же воодушевился.

– Ох, ну что вы! Я вовсе не в обиде, просто... сами понимаете... Редаут сейчас...

– Я понимаю. Ещё раз прошу прощения.

– Но моя мама действительно замечательная. Правда! – сказал он, будто отчаянно пытался убедить в этом всех вокруг. – Только готовить не умеет.

Сюн мысленно отругал себя. Что он натворил? А ведь действительно спросил без задней мысли. Если бы Вэй такое ляпнул перед князьями, то мог и кровную вражду спровоцировать.

– Прекрасно. Если ты не против, я бы хотел когда-нибудь познакомиться с твоей мамой, – попытался исправить ситуацию Сюн. Кажется, помогло.

– О, тогда... ловлю вас на слове, господин Сюнлин! Садитесь с нами. Тут пирог невзрвавшийся есть.

– *Мой* пирог, – заметила Делия.

– Я бы с радостью, но мне нужно поговорить с Мерали.

Сюн продолжал улыбаться, но Мерали тут же опустила глаза. Джейдип тихонько толкнул её локтем. После этого Мерали встала и, не поднимая глаз, пошла за Сюнлином. Сюн уже получил ответ на свой вопрос, но всё же остановился в отдалённом от людей месте и спросил.

– Мерали. Пару дней назад я встретил тебя у шатра Вэйлина. Ты слышала наш разговор?

– Нет, – быстро замотала головой она.

– Скажи мне правду, пожалуйста.

– Кое-что...

– Ты слышала, что принцесса ветра Редаута – это Лань?

Мерали метнула взгляд в сторону и, помедлив, призналась:

– ...Да.

– Это ты рассказала всем?

Сюн спрашивал спокойно, но Мерали готова была провалиться сквозь землю. Она спрята лицо в волосах не в силах взглянуть Сюну в глаза. Мерали казалось, что она давным-давно пережила тот позорный случай в Долине, ту детскую влюблённость в Сюнлина, что всё это досадное прошлое. Но стоило ей снова увидеть его улыбку, услышать мягкий голос, обращённый к ней, стоило снова услышать о Лань... Мерали ведь простила её, не питала ненависти, но когда узнала, кто такая Лань на самом деле, как воспользовалась расположением Сюнлина в своих отвратительных целях...

– Разве я сказала неправду?! Она же шпионка! – вскинулась Мерали, ведь лучшая защита, которую она всегда знала, это нападение.

– Ты сказала неправду, – всё ещё спокойно заметил Сюн, но от улыбки не осталось ни следа. – Кроме того, из-за слухов пострадала репутация Долины и Ванлинда.

– Я...

Об этом Мерали не подумала. Она только хотела вывести эту «Лань» на чистую воду, чтобы все узнали.

– Сказанного уже не воротить, – вздохнул Сюн. – Но пожалуйста, прекрати распространять слухи и распалаять ненависть к Лань.

– Почему? Она ведь наш враг! Воюет против нас. Убивает нас!

Сюн на миг замолчал. Что тут ответить? Если Мерали не хочет знать ни причин, ни обстоятельств, то она и слушать не станет. Сюн поднял глаза к россыпи ярких звёзд и ответил:

– Ненависть живёт дольше войн. Выпусти её на свободу и обратно уже не загонишь. И в первую очередь ненависть погубит тебя саму. Убьёт человеческое в тебе. Поэтому не надо.

Сюн на мгновение опустил руку на плечо Мерали, как обычно делал с людьми Вэй, когда пытался их подбодрить. Вдруг поможет? И пошёл обратно к лагерю, но Мерали окликнула его:
– Сюн!.. Господин Сюнлин... – Он остановился. – Вам всё ещё нравится Лань? Даже после всего?

Сюн не ответил и, не оборачиваясь, зашагал прочь, растворившись в звёздной ночи.

4. Нарекут ведьмой поветрия

Последний отзвук битвы затих, когда столкнулись два ветра. Холодный ветер с западных гор ворвался во владения тёплого восточного, и их встреча породила бурю. С земли поднялось пылевое облако, редкие деревья клонило до самой земли и ломало. Комья земли и мелкие камни метало из стороны в сторону. Сражение остановилось, и стороны отступили.

– Такое бывает, когда сражаются два разных ветра, – развёл руками Хранитель Долины на выразительный взгляд других княжеств.

На самом деле это был ветер Сюна, и он столкнулся с ветром Аилань, которая играла точно такую же мелодию. Их столкновения из раза в раз порождали пылевые бури, туман и даже грозы. Местный восточный ветер был невероятно силён, и музыканты уже подстроились под его характер и дуновение, но этот ветер всё равно оставался для них чужим. Сюн же призывал родной западный издалека и бросал в бой, и их с Аилань сражение часто вызывало природные катаклизмы.

«Сюн, пожалуйста, будь в порядке», – звенела оттуда отчаянная мысль.

«Лань, прошу, остановись», – вторила ей другая.

В результате никак не удавалось повторить успех первых сражений, и армия Союза шести княжеств увязла возле Железной крепости, где и устроила новый лагерь и штаб.

– Их столица так близко. Почему никак не подойти? Чем занимаются музыканты?

– Которые? Тут развернуться могут только ветер да земля. Посмотри, в округе ни одного деревца не осталось, водоёмов тоже нет. Питьевую воду и то везут из Шуйфена. Что ты от музыкантов хочешь?

Столица Редаута не зря располагалась в столь пустынном месте, и никто из императоров её не перенёс. С тех пор, как музыканты стали ударной силой в войнах, городские стены и их осада перестали иметь значение. Все сражения переносились в поле, где заклинатели всецело могли развернуть свои умения. За века многие пытались дотянуться до сердца Редаута, но обнаруживали, что их мастерство ничего не стоит в пустоте, в которой нечего заклинать.

– Император нарочно заманил нас именно в эти земли. Приди мы с плодородного юга, всё было бы по-другому, – сказал на совете князей Вэйлин.

– Мы бы растратили силы, пока захватывали его крепости одну за другой, и дошли бы до столицы на последнем издыхании. Действительно «по-другому», – заметил князь Ирианда Рианфэй.

– Мы уже всё равно здесь, господа, – подала голос княгиня Лердэ Лирия. – Не предлагаете же вы всё свернуть и постучать в другую дверь, раз здесь нам неохотно открывают?

– Уйти и оголить границу Шуйфена? Никогда. Хотите уйти? Проваливайте. Шуйфен останется тут, – отрезал князь Ошранд.

– И тогда мы просто снова вернёмся к войне на два фронта. Не годится. Мы пытались, – вставил слово князь Койдена Арден.

– Это мы пытались. А Койден отсиживался в стороне, – как бы между делом обронил Ошранд.

– Давайте будем сравнивать свои заслуги и потери *после*войны, уважаемый князь, – ответил ему Арден со всем мнимым добродушием.

«Банка с пауками. Шевелится, да результата нет, – подумал про себя Вэй. – Хорошо, что Сюна тут нет».

На самом деле Вэй хотел, чтобы Сюн молчаливо присутствовал и понемногу набирался опыта. Раньше Вэй считал, что брату это не нужно, что Вэй возьмёт всё на себя и оградит его от этого. Но теперь Вэйлин стал князем и начал понимать: он не сможет всегда быть рядом с Сюном. Поэтому, когда Сюн получит в свои руки Долину, политический опыт ему пригодится.

Только Вэй об этом подумал и хотел пригласить брата на совет, как вспомнил: совет назначили в одной из комнат Железной крепости. Если Сюн в Данале чувствовал себя плохо, то что говорить про эту тюрьму? Поэтому Вэй благополучно заткнулся и с улыбкой отпустил брата погулять.

Сюн бродил вокруг крепости и не решался зайти. Распахнутые железные ворота смотрели на него хищной пастью. Стоило сделать шаг, и внутри всё замирало, а следы от ожогов на груди начинали зудеть.

– Сюнлин. Подойди, пожалуйста, – раздался позади голос, и Сюн чуть вздрогнул.

– Дядя?

Аксон смотрел тяжёлым взглядом и то и дело вздыхал, словно не решался заговорить. Но нет, он должен прояснить этот вопрос раз и навсегда. Должен был ещё в день переговоров.

– Помнишь, когда-то я отправлял тебя в Вилмар к своему приятелю с подарком. Ты перед отъездом спрашивал про ученицу.

– Про Лань. Я помню.

– Что тебя с ней связывает?

Сюн опустил взгляд. Разумеется, Аксон спрашивает, потому что волнуется за племянника... и приемника. Уже известно, что принцесса Аилань, которая ныне враг для шести княжеств, училась в Долине. Если станет известно, что она знакома с Сюном...

«Репутация... все волнения из-за репутации», – мрачно подумал Сюн и вскинул голову.

– Дядя, вы не могли бы пойти со мной?

Аксон удивился, но сделал приглашающий жест рукой. Сюн остановился у ворот крепости и с трудом сделал шаг. Это оказалось тяжелее, чем он думал, но всё же упрямо шёл, стараясь не смотреть на эшафот и не оглядываться вокруг. Сначала Сюн не был уверен, что помнит дорогу, но она оказалась надёжно выжжена в памяти, как след от ожога на его груди... и была такой же болезненной. Длинный коридор, лестница вверх, правое ответвление, предпоследняя дверь. Ныне распахнутая.

– Здесь, – Сюн указал на тёмный провал камеры. – Я сидел здесь много дней, раненый после боя в Данале. – На этих словах плечи Аксона дрогнули. – Потом приходил второй принц и избивал меня, затем пытал огнём. Потом меня увели туда – в камеру смертников. Наутро должны были обезглавить. Вот откуда меня спасла Лань. Все думали, будто я сбежал сам, но это неправда. Рискуя жизнью, она вытащила меня из этой тёмной бездны. Вот что нас связывает.

Аксон некоторое время молчал, раздумывая над услышанным. Возможно, Хранитель и раньше догадался, как именно Сюну удалось спастись. Всё понял в день переговоров, когда узнал Лань, но смолчал. Кто знает, какие мысли в тот момент вертелись в голове Хранителя?

– Сюнлин, я понимаю. Ты чувствуешь себя ей обязанным, но это перестало быть так, когда эта девочка начала распалать пламя войны. Спасла ли она тебя по соображениям совести, или это был хитрый план воспользоваться твоим чувством долга...

– Дядя! Это не...

– Прошлые добрые дела не оправдают поступки нынешние.

Сюн замолчал. Он смотрел на узкую дыру внизу двери темницы, вспоминая, как получал оттуда много воды и хорошую еду. Если бы он знал, чья рука протягивает ему помощь, он бы схватил её и не отпускал как путеводную нить.

– А будущие дела, дядя? Будущие оправдают нынешние? Или считается только плохое?

Аксон со вздохом ответил:

– У нас нет весов, определяющих меру вины и благодетелей, мой мальчик. Если бы были, то всё стало бы намного проще.

Сюн некоторое время смотрел в спину Хранителю, пока тот не скрылся из вида. Сюн ударил кулаком по стене, и железо громыхнуло, отзываясь болью в руке. Где-то в горле засвербело. Сюн сполз на пол.

Проём пустой камеры смотрел на него тёмным провалом. Затягивал. Душил. Сжимал голову в тисках. Воздух тут ничуть не изменился, такой же спёртый и едкий. Сюн почувствовал, как капля горячего пота течёт по виску. Взгляд ухватил в темноте очертания соломенной подстилки, на которой он когда-то лежал и смотрел в тёмный потолок. А потом дверь открылась, и в неё врывался огонь на ладони. И жёг неимоверно. Больно.

«Сюн, очнись. Я здесь. Я рядом. Я пришла! Я выведу тебя отсюда. Сюн!»

– Сюн, – знакомый голос вытянул его из воспоминаний. Сюн почувствовал, как его за локоть поднимают с пола.

– Вэй? Совет закончился? – спросил Сюн с затуманенным взглядом, будто только что проснулся.

– Закончился. Княжна Амэя шепнула мне, что видела тебя здесь. Ну зачем ты пришёл сюда?

Сюн умыл лицо пустыми ладонями.

– Не вечно же мне бояться этого места.

– Не вечно, но сейчас ты явно не готов. Бледный как бумага. Идём, подышим воздухом.

Вэй обнял брата за плечи и повёл оттуда, оглядывался перед каждым поворотом, нет ли поблизости посторонних.

– Вэй.

– Осторожно, лестница.

– Вэй!

– Что?

– Я сам могу идти.

– А. Ну иди.

Вэйлин отпустил его плечи. Сюн медленно побрёл вниз ступеням. Его шаги гулко отдавались по железу. Вэй шёл по пятам и смотрел ему в спину. Не только у Сюна, у Вэя тоже были воспоминания – о том, как он думал, что потерял самого дорогого человека на свете, что не был рядом, когда был так нужен, что не сумел его защитить, хотя столько раз обещал. И после обещал, но какая же это наивность!

Чтобы защитить своего брата от всего, Вэю придётся заключить его в «золотую клетку». Оградить не только от опасности, но и от тех крох свободы, что у Сюна остались. Убеждать себя, что это для *его* блага, а на деле для собственного спокойствия... и смотреть, как эта мнимая забота с каждым годом подтачивает братскую любовь и разделяет. Пока в конце концов Сюн не посмотрит на брата как на чужого.

«Выбирай, Вэй, – сказал он себе. – Будешь ли ты выполнять своё обещание такой ценой?»

– Я не смогу всегда быть рядом с тобой.

– М?

– Я не смогу защитить тебя от всего.

Сюн обернулся и слегка ему улыбнулся.

– И не надо. Всё будет в порядке, брат.

Обещание ещё более наивное... особенно на войне.

К вечеру поднялся сильный ветер, пылевые облака накрыли лагерь объединённых войск. Душные порывы застилали глаза, мешали дышать. Палатки дрожали, будто их вот-вот снесёт. Многие люди скрылись за стенами Железной крепости. Несмотря на спёртый воздух внутри и отсутствие удобств, из темниц сделали казармы. Правда, места в крепости хватило немногим. Остальным пришлось спать в лагере под завывание ветра.

В лагере поговаривали, что ветер наслала принцесса, и командование всерьёз опасалось нападения под прикрытием бури. Музыканты ветра рассеивали пыль и отгоняли непокорный восточный ветер своим. Это требовало играть музыку непрерывно и забирало много сил, поэтому музыканты разбились на группы и трудились посменно почти сутки.

А на следующий день случилась беда.

Началось с того, что солдат из армии Койдена сильно кашлял. Он уверял товарищей, что простыл на сквозняке и скоро выздоровеет, пока однажды не рухнул прямо посреди лагеря, захлёбываясь собственной кровью. Когда такое повторилось с другими солдатами из разных армий, все переполошились. Начали шарахаться от всякого, кто хоть немного откашливался. Через несколько дней с признаками болезни слегла почти половина армии.

Лагерь охватила паника. Кто-то пытался скрыться за стенами Железной крепости, так как слышал, что внутри никто не заболел. Князя приказали тотчас закрыть ворота. В рядах армии назревало недовольство.

– Сделайте же что-нибудь! Вы же лекари! – кричали заклинателям Шуйфена.

– Идиоты! Водой лечат внешние раны, а для внутренних нужны лекарства! – отвечали они.

Лекарств и лекарей на всех не хватало. Казалось, ещё немного, и солдаты пойдут на штурм крепости, чтобы укрыться от болезни. Но когда выяснилось, что внутри закашлял кровью один из генералов, Железная тюрьма тотчас перестала быть спасительным островком. Люди были в страхе, пока кто-то не связал с болезнью недавний ветер.

– Точно! Это редаутская принцесса наслала с ветром болезнь! По воздуху ведь передаётся!

– Верно-верно! Не смогли победить нас на поле боя, так решили подлым способом!..

– Не принцесса, а ведьма поветрия!

– Точно! Это всё ведьма поветрия!

За считанные часы эта история и прозвище распространилось по всему лагерю подобно эпидемии, и страх превратился в гнев и ненависть. Люди упрямо хватались за жизнь, проклиная «ведьму поветрия». Смертельный исход настигал не всех, и это придавало солдатам уверенности, а их проклятьям – силу.

Сюн перед эпидемией жил в лагере, но когда пошли массовые случаи заражения, Вэй забрал его в крепость и выторговал им двоим самую большую комнату. Раньше здесь наверняка жили начальники тюрьмы, когда стражей и заключённых в этой крепости было много.

Вэйлин так же распорядился устроить здесь всевозможные удобства. Хоть офицеры других армий смотрели на «любящего комфорт» князя Ванлинда снисходительно, Вэю было плевать. Он сделал всё, чтобы Сюн не чувствовал себя здесь как в той проклятой темнице, и Сюн был ему за это благодарен. Если бы ему пришлось снова войти в одну из камер, то он бы предпочёл ночевать на улице.

Вот только запертый в крепости Сюн чувствовал себя здесь как кот в мешке. Когда они с Вэем спорили, кто будет следить за ситуацией снаружи и быстро реагировать на случай нападения, в дверях их комнаты появился Аксон.

– Вы двое. Ни шагу наружу. Я со всем разберусь.

Сказано было тоном, который возражений не подразумевал. И пусть Хранитель Долины не мог приказать князю, Вэй решил, что в этот раз позволит себе побыть в роли поучаемого племянника и подаст пример послушания младшему брату. Аксон ежедневно присылал одного и того же человека с докладом о ситуации: сколько заболевших, сколько смертей, какие настроения. Каждая армия вела собственный подсчёт, и раз в несколько дней князья собирались на совет, чтобы подсчитать потери и всё обсудить.

На одном из таких советов Сюн и услышал, что в эпидемии обвиняют Лань. Он хотел возразить при всех, но Вэй предупредительно дёрнул его за рукав.

– Вэй, это неправда. Она бы не стала, – прошептал Сюн.

– Я-то тебе верю, а вот остальных всё равно не переубедишь. Ещё и ваше с Аилань знакомство раскроешь. Представляешь, какая буря разразится?

– Нет.

– ... Тогда просто поверь мне на слово – не надо.

Их перешёптывания заметили княгиня Лердэ и княжна Шуйфена, но не стали привлекать внимания. Лишь скользнули взглядом.

Сюн честно пытался внимательно слушать, о чём говорят князья, но линия беседы постоянно смещалась, то на одно, то на другое. Споры вспыхивали так же внезапно, как и исчезали. Они говорили о вещах, которых Сюн не понимал, в итоге он перестал пытаться понять их.

– Утомился, а?

Пока они шли по коридору к комнате, Вэй смотрел на него со снисходительной жалостью.

– Это всегда так... многословно?

– Всегда. Ты не представляешь, как при дворе любят поговорить. Когда ты один князь, ещё можешь попросить подданных излагать короче, но когда князей много, и у всех равные права, тут-то и начинается. Я долго привыкал.

– Я кое-чего не понял.

– Чего?

– Почему Редаут уже много дней не нападает? Мы сейчас слабы. Для них бы самое время. Не то чтобы я этого хотел...

– Ты зришь в самый корень, Сюн. Это не обсуждали, потому что и так уже понятно. Раз Редаут не нападает, то у них тоже что-то случилось. Поэтому все сосредоточены на том, чтобы поскорее снова войти в силу, а не разбираться, что там у врага.

– Думаешь, они тоже болеют?

– Возможно.

– Но тогда это точно не Лань. Неужели им не понятно?!

– Сюн, сейчас все озабочены другими вопросами. Найти козла отпущения и всё свалить на него... то есть её, проще всего. С этим ничего не поделаешь.

Сюн остановился, и Вэю пришлось обернуться. «А разве кто-то пытался что-то поделать?», – подумал Сюн и нахмурил брови. Вэй в который раз убедился, насколько чистое и бесхитростное сердце его брата, и, в отличие от сердца Вэя, совсем не черствело даже от войны.

И что Вэй ему скажет? Очередные «ничего не поделаешь», «так обстоят дела в мире», «надо приспособливаться»? Но Вэй не хотел, чтобы Сюн «приспособливался». Не хотел, чтобы он менялся. Вэйлин собирался взять это всё на себя, позволив своему брату остаться с кристальной чистой душой.

«Хах, кажется, я противоречу сам себе. Сам же хотел, чтобы он учился. Сможет ли он защищаться, оставаясь верным себе? – Вэй взглянул на хмурившегося брата. – Что до Лань... Стоит пока сказать, что ещё не наступило время доставать мерило вины».

Только Вэй собирался произнести эти слова вслух, как почувствовал, что к горлу подступил болезненный комок. Вэй попытался прочистить горло и откашляться, но комок накатывал снова и снова. Грудь внезапно сдавило.

– В-вэй? – испуганно позвал Сюн.

* * *

Столица Редаута стонала от плача. Эпидемия, зародившаяся среди беженцев, начала косить жителей Ааматэ, других городов и деревень. Сначала никто не обращал внимания, местные лекари справлялись своими силами. Но когда болезнь перекинулась на армию, уже все забили тревогу.

Пятнадцатый принц Джайдах поехал разобраться с ситуацией и помочь заболевшим. Так он надеялся компенсировать в глазах императора своё поражение от Ирианда. Четвёртая принцесса Ошя изучала врачевание, поэтому поехала с ним. Но принц и сам заболел, и всех её умений не хватило, чтобы спасти брата, который отчаянно хотел доказать отцу, что не трус. Домой Ошя вернулась лишь с телом брата.

Были призваны все лекари, из хранилищ доставали лекарства. Первыми лечили солдат, потом тех, кто хоть отдалённо принадлежал к знати, затем тех, кто мог заплатить за лекарства, следующими шли жители столицы, а беженцы до своей очереди не доживали. Им построили отдельный лагерь и заперли их там – здоровых и больных. Так продолжалось много дней, пока эпидемия сама не сошла на нет.

Аилань стояла на холме и смотрела, как открывают лагерь беженцев. Мёртвые лежали там прямо на земле с окровавленными губами и посиневшими пальцами. Птицы летали и рвали их плоть. Ветер доносил запах крови, болезни и разложения. Живые стремились сбежать.

– За что нам всё это? Неужели императору нас не жалко? – стонали они.

– Даже жизни принцев гаснут как свечи. А мы кто для него?

– Было восемнадцать. А сейчас у него вообще остались сыновья?

– Да пусть хоть все сдохнут! Какая нам разница? О себе думать надо!

– Не помрём от эпидемии, так убьют на войне. И даже камня надгробного не поставят.

Ветер доносил до Аилань слова многочисленной вереницы людей, стремящихся оказаться отсюда подальше. Они пришли к столице в надежде на помощь, а получили изоляцию и смерть.

– Столько смертей... – проговорила позади Виета.

Она смогла выйти из дворца, чтобы помочь беженцам припасами и деньгами. Они с Соной принесли множество мешочков и узелков с одеждой и тканями. Виета раздавала монеты, что откладывала со своего содержания. Дарила беженцам украшения, чтобы те смогли продать и обеспечить себе дорогу. Мало кто благодарил. Люди чувствовали, что их предали, и сердца целиком заполнила обида. У кого-то она оказалась настолько велика, что принцессу пришлось защищать страже. Дело почти дошло до потасовки, но Виета остановила и более не пыталась подойти.

Она не ждала благодарности, знала, что её обвиняли в сытой беспечности. Легко творить добро в сытости. Куда труднее найти доброе слово в нужде. Легко творить добро, находясь в свободе. Трудно – в принуждении. Величайшую ценность имеет то добро, что творится с осознанием всех последствий – Виете понадобились годы, чтобы это понять и принять.

Нельзя жить законами этого мира, но нельзя и отворачиваться от этого мира. Если император хочет, чтобы она подобно братьям и некоторым сёстрам променяла спасение жизней на убийства, ей понадобится вся воля, чтобы остаться на своём пути.

– Виета, если... императора не станет, это прекратится?

Обронённые слова подхватил горячий ветер и унёс в вышину. Виета с удивлением и ужасом воззрелась на младшую сестру. Милая, весёлая, доверчивая Аилань... пустым взглядом смотрела вдаль и спрашивала о... Виета горько прикрыла глаза. Как дошло до этого?

– Это никогда не прекратится, Аилань.

– Но если императора не будет, то... *прямо сейчас* этого станет меньше?

Виета взяла сестру за плечи и встряхнула.

– Аилань, не вздумай. Твоя жизнь – для него всё равно что свеча. Одна свеча его не сожжёт, а многие – побоятся сгореть... и будут в своём страхе правы.

– Что же нам делать? Как это остановить?

– Сними туфли.

– А?

Аилань сморгнула. Удивление вернуло её глазам блеск жизни.

– Почувствуй землю и шёлк прохладной травы под ногами. Оглянись на горизонт. Запомни рисунок облаков, их золотую кайму на закате. Запомни мой голос... и как я держу тебя за руку. Каждую мелочь. И когда будет совсем тяжело, эти воспоминания спасут твоё сердце, дадут покой. Самое главное, Аилань: не теряй своё сердце.

Виета говорила это так настойчиво, глядя прямо в глаза. Её мысли были так неуловимы, словно рябь морозящего дождя на реке. Аилань не понимала их, но чувствовала, что слова Виеты полны отчаянной надежды.

– Не хватает Эмина с губами, измазанными вишневым пирогом, – неловко улыбнулась Аилань, и взгляд Виеты потеплел.

– Запомни и это тоже. Наши прекрасные дни. Они помогут не ожесточиться, вспомнить, кто ты есть. Потому что именно милосердие заложено в душах людей, а не жестокость. И когда миру – вокруг нас или твоему собственному – приходится худо, милосердие его спасёт.

Аилань некоторое время улыбалась. Она любила этот мир, как никто в Обсидиановом дворце. Не видела ни его прутьев, ни шипов и была свободна в своей непосредственности. Любовь родилась из этой свободы. Теперь же Аилань явственно чувствовала себя в клетке. Мир, который она любила, показал ей клыки. Её улыбка угасла, а взгляд снова наполнился печалью. Она смотрела на пальцы босых ног и зарывалась ими в редкую траву.

– Виета. Я не понимаю. Если бы милосердие в людях было сильнее жестокости, разве эта война бы случилась?

Виета прикрыла глаза.

– Мы не можем отвечать за выбор других, Аилань. Важнее, чтобы милосердие было сильнее в тебе.

– И что будет?

– Ты не станешь такой, как император.

5. Кровь земли цвета пламени

После спада эпидемии война разразилась с новой силой. Редаут продолжал сдавать позиции и отступать к городам Тхедаи и Аматаэ. Солдаты радовались, боевой дух рос, несмотря на потери, но командование начало подозревать неладное.

– Слишком легко мы прошли. Разве армия Редаута не доставляла нам проблем на границах? Так почему у самой своей столицы сдаёт?

– Их солдаты почти не атакуют, только защищают музыкантов, а те закидывают нас огнём.

– Разве императору не пора уже появиться? Даже ведьма поветрия куда-то исчезла.

– Как бы нам не войти прямо в распахнутую ловушку, господ.

Так объединённая армия Союза шести княжеств вплотную подошла к городу Тхедаи, за которым был открыт путь на столицу и Обсидиановый дворец. Недалеко виднелись скалы и жерло потухшего вулкана. Тхедаи стоял в его тени больше тысячи лет. Местность вокруг города была ещё более сухая и безжизненная, чем у Железной крепости, – ни единого деревца или источника воды, а красноватая земля расчерчена трещинами.

Когда поднимался ветер, в воздухе парила такая же красная пыль. В бледном свете ранней зари это зрелище невольно наводило на мысли о бездне – такой же бесплодной пустоши, где неприкаянные души обречены блуждать вечно.

Весь континент ныне желал жителям Редаута провалиться в эту бездну, но никто не подозревал, что они в ней давно живут.

Ряды обеих армий выстраивались в свои формации. Музыканты заняли позиции в аррьергарде. Сегодня они намеревались лишь помогать основным силам. Боевой дух объединённого войска был высок... кроме солдат Ванлинда.

Вэйлину казалось, что он вот-вот выкашляет свои внутренности, грудь и горло всё ещё горели. Не будь он князем, его бы отправили в карантин вместе с другими заболевшими. Тех осталось немного, остальные либо выздоровели, либо умерли, а потому армия больше не стала задерживаться на месте и намеревалась поскорее реализовать преимущество. Выпущенную стрелу уже не остановить.

Вэй временно отправил Сюна жить в отдельный шатёр. Разрешал навещать себя только тем подчинённым, кто этой хворью, чем бы она ни была, уже переболел. Но оставалась проблема командования. Ещё во время войны с Айварсом они потеряли главного отцовского генерала. Преемники нашлись, но не имели хоть сколько-нибудь громкого имени, которое бы уважали в союзных войсках. Даже если генералы прекрасно управляли войском, они не могли говорить от лица Ванлинда, в случае перегруппировки войск и объединённых тактик их неохотно слушали. А потому Вэй встал перед непростым выбором...

Сюн вошёл, когда Вэйлин уже надевал доспехи.

– А ты что тут делаешь? А ну кыш отсюда, – ласково сказал ему Вэй, загоня меч в ножны.

– Это *ты* что делаешь? Ты ещё болен.

– Выбора нет. Некому доверить командование.

– Доверь мне.

Вэй вздохнул.

– Я ценю твоё предложение, Сюн, но ты не умеешь командовать. В эту реку без навыков нельзя входить. Посмотри на редаутских принцев. Кроме Айварса, похоже, никто не имел военного опыта, и где они теперь? Не обижайся.

Сюн и не подумал обижаться. В конце концов это была чистая правда: он никудышный командир.

– Всё равно не ходи. Что у нас, офицеров и генералов нет? Сам же гонишь меня от себя, а в гущу народа собираешься?

Вэй изо всех сил сдержался, чтобы снова не раскашляться. Конечно, он не хотел множить заболевших, но врачи говорили, что новой вспышки эпидемии, скорее всего, не случится. После стольких смертей всем так хотелось в это поверить.

– От клинков и огня люди умрут быстрее, чем от болезни. Последнее мне неподвластно, но от первого я смогу всех защитить.

Вэй поправил пояс с мечом и, пройдя мимо брата, направился к выходу.

– А кто защитит тебя?! – крикнул Сюн.

Вэй замер. Несколько мгновений он так и стоял спиной к брату, не двигаясь. Потом коротко вздохнул и повернул голову.

– Использовать против меня предсмертные слова отца нечестно, не находишь?

– Потому что он был прав. Позволь мне хоть в этот раз позаботиться о тебе и всё сделать самому.

– Ты не умеешь командовать, – напомнил Вэй.

– Я и не собираюсь двигать войска. Генералы сами этим займутся, я только рассужу их разногласия, если такие возникнут. Музыкантами командует дядя. Я буду распоряжаться только своим отрядом. Если будет нужно, мы станем остриём стрелы. Я уже хорошо чувствую ситуацию на поле боя, поверь мне. А если у меня что-то не получится, есть ещё пять армий. Не развалимся. Вэй, в этот раз позволь другим позаботиться обо всём.

Вэй сделал глубокий вдох и выдох. Когда он впервые закашлял в Железной крепости, Сюн посмотрел на него со смесью ужаса и паники, и Вэй больше никогда не хотел видеть на лице брата это выражение. «Не бойся, – ласково повторял ему Вэй, задыхаясь от кашля и терпя горящие лёгкие, – я не оставлю тебя одного. Не бойся». Уже ради этого он был готов зубами держаться за жизнь и выздороветь, чего бы это ни стоило. И сдержал слово: болезнь, хоть и медленно, но отступала.

Возможно, помогло то, что Вэй – музыкант. Стихии мироздания благоволят телам, что являются их проводниками в мире смертных. Когда врачи считали потери, среди музыкантов действительно оказалось гораздо меньше умерших. Стоит ли Вэю благодарить судьбу и договор дедов, по которому его отправили в Долину Ветров, прежде чем учить быть правителем? Для Сюна этот договор всегда был бременем, для Вэя... просто дорогой, по которой он с детства шёл с любопытством.

Вэй снова вздохнул и вернулся к постели, на ходу отстёгивая ремень с мечом.

– Ладно... Я останусь тут. Предупреди Хранителя и генералов. Но я хочу знать о каждой мелочи на поля боя, поэтому почаще шли ко мне гонцов. Если будет совсем худо, я вступлю в бой. Согласен?

– Согласен.

«Я не допущу, чтобы дошло до "худо"», – подумал Сюн, но не стал озвучивать это вслух.

Всё в этой битве выглядело как обычно. Восточный ветер дул союзным войскам в лицо и трепал знамёна. Сначала в бой отправились авангарды пехотинцев. Между их рядов шагали лучники, и вскоре стаи стрел прочертили небо и спикировали на головы врагов. Пока солдаты обеих сторон защищались от железного дождя, пехота отделилась от лучников и, ускоряя шаг, устремилась вперёд. Столкновение отозвалось металлическим звоном щитов и мечей. Доспехи горели солнечным золотом.

Ряды воинов вгрызлись друг в друга с животной яростью. Глаза застилала жажда убийства. Даже раненые и покалеченные не выпускали из ладоней оружие. Захлёбывающиеся в крови глотки продолжали хрипеть и кричать до последнего вдоха. Тела громоздились одно на другое, и на них наступали живые. Поскальзывались на крови, сапогами ломали кости, пока в конце концов тоже не падали, и их настигала та же участь.

Неровная вереница мертвецов очертила на земле границу армий, которая не один час оставалась незыблема. Однако после полудня равновесие нарушилось. Ириандский генерал

лично повёл свои войска в атаку. Вооружённые мечами и щитами из закалённого магией металла воины Ирианда реализовали преимущество. Солдаты Редаута и раньше разбивались о них как прибой о каменный берег, но теперь медленно и неотвратимо уступали их железному напору.

Прежде чем пехоту отбросили слишком далеко, в дело вступила конница Редаута... но этого ждали. «Крылья» развернулись на флангах обеих армий. Обе конницы симметрично ринулись в бой и жалили авангарды противников с флангов, а потом молниеносно отступали. Конница Шуйфена и Лердэ была наиболее многочисленна, и пехота Редаута под их натиском сжалась в плотный комок.

Казалось, их конец близок... как вдруг ворота Тхедаи открылись, и оттуда быстрее ветра вылетела тысяча всадников. Подобно острому ножу, они вонзились в ряды княжеских войск позади основного боя и внесли в их тыл хаос. Пехота Редаута из авангарда внезапно перестала отступать, оцетинилась копьями со всех сторон и держала позиции насмерть.

По полю боя сновали всадники с жёлтыми флагами гонцов. Ряды княжеских войск, что ранее напоминали неповоротливую черепаху, вдруг пришли в активное движение, перестраивались в причудливые формации. Однако с самого начала битвы среди криков и звона оружия до сих пор не прозвучало ни одной музыкальной ноты.

Красноватая завеса накрыла сражающихся плотным пологом. Её не сразу заметили, ведь естественная пыль витала в воздухе с самого начала. Что странного в том, что тяжёлые сапоги и копыта подняли с земли её покров? Но когда поле накрыл кровавый туман, было уже поздно. Стальная песня мечей заглохла, уступив место зловещему эху отдалённых криков.

Музыканты ветра тут же начали играть «Чистое небо». Покров дёрнулся на восток, но устоял, будто был весом с железо. Музыканты явственно почувствовали с той стороны сопротивление.

– Это их принцесса. Давно она не появлялась.

– И что же? Вы всей толпой не можете переиграть одну ведьму?

Заклинатели ветра снова начали плести свою мелодию, инструменты отдавались хрустальным звоном. На этот раз покров не устоял и от резкого порыва обнажил поле боя, явив страшную картину. Повсюду дымились чёрные очаги, словно ожоги на самой земле. Вокруг них лежали люди: мёртвые почернели, ещё живые в агонии катались по земле и стонали, их кожа покрылась уродливыми красными пузырями.

Сколько бы ветер ни дул, дым поднимался снова и снова и тянулся к небу плотными щупальцами. Музыканты могли лишь направить его на врага, но с той стороны его встречал восточный ветер. И когда дымовая завеса рассеялась, из неё вылетел сотканный из золотого огня дракон. Его глазницы горели языками пламени. Ноздри на квадратной морде вздувались, вбирая в себя ветер. Его рёв проникал в сердца, сжимал их в тиски ужаса, обращал надежду в отчаяние, а иллюзию победы в гибель.

На платформе верхом на коне сидел воин. Длинные пряди его волос рассыпались по плечам, развиваясь на ветру в безумном танце. И хоть губы его были плотно сжаты, во взгляде чёрных глаз играли золотые огоньки неистового восторга.

– Это император! В битву вступил император! – воскликнули в рядах княжеского войска.
– Убьём его и...

Слова потонули в ревящем пламени. Губы, что их сказали, мгновенно лопнули от жара. От головы остался один череп с остатками почерневшей плоти. Всё вокруг превратилось в выжженную пустыню. Люди металась как горящие факелы и через пару мгновений падали обугленными трупами.

А дракон, словно небесный повелитель, парил над сражением, из его глаз вылетали золотые искры, длинное гибкое тело извивалось змейей. В воздухе возникали зигзаги молний и копиями вонзались в дракона. Струи воды шёлковыми лентами взлетали вверх. Ветра дули так

неистово, что дрожали крыши далёкого Тхедаи. Но всё тщетно. Дракон только рос, словно все атаки делали его лишь сильнее.

Сюн с досадой опустил флейту. Мерали, Джейдип, Суан и Делия всё ещё пытались влиться в общую мелодию и помочь загасить это чудовище. От горячего воздуха покраснели лица, пальцы вспотели. Увидев, что их командир оставил попытки, Мерали и Джейдип тоже перестали играть и уставились на Сюна в ожидании.

Он повернул голову влево, откуда слышалась свирепая в своей мощи мелодия «Призыва ветра». Хранитель и наставники не пытались больше атаковать. Они сдерживали дракона, чтобы его пламя не достигло сердца армии. Авангард они уже потеряли. Сюн посмотрел вперёд и прищурился. Руки человека на платформе плавно порхали над цитрой, словно играли лёгкую приятную мелодию. Эхо вторило перезвону струн, и на каждое движение отзывался дракон.

– Нужно прервать мелодию. Больше никак, – сказал Сюн самому себе.

Он обещал Вэю, что присмотрит за армией, но его помощь тут вовсе не требовалась. Всё, что он мог, это посылать к брату людей с докладами, а те в свою очередь приносили распоряжения от князя, которые Сюн направлял в разные уголки армии к ванлинским офицерам. В конце концов Сюн сказал, что гонцы могут сразу искать офицеров, не докладывая ему. Для чего же он здесь?

Сюну хотелось рассмеяться над самим собой. Как самонадеянно было говорить: «Доверь мне армию». Вэй всё знал. Сюн не способен распоряжаться ни чужими жизнями, ни чужими смертями. Только своей.

– Я попробую остановить императора.

– Господин Сюнлин, мы с вами, – решительно высказалась Мерали.

– Нет.

– Всё равно пойдём!

Сюн ничего не ответил. Только поднёс флейту к губам и заиграл. Раньше, чем его стражи и подчинённые успели осознать, Сюн рванул вперёд со скоростью ветра. Он нёсся сквозь сражение, меняя мелодии на ходу: «Скорость», «Парение», «Лезвие». Белой вспышкой, острым клинком он пролетел сквозь преграды и добрался до выжженного поля.

Дракон опустил голову вниз, в глазах сверкнул зловещий блеск, огненные щёки надулись, ноздри расширились. Сюн вмиг осознал опасность и снова заиграл «Скорость ветра». Огонь подпалил полы белых одежд и подошвы сапог, но Сюн прорвался. Под слоем парящей сажы, его плечи и рукава стали серыми. Он чуть обернулся, чтобы убедиться, что ни Мерали, никто другой не успели за ним последовать. Позже он выслушает все выговоры от дяди и от Вэя, но сейчас его душа была подобна натянутой тетиве, а тело – стреле. Он точно знал, где его место, и не мог остановиться.

Прервать игру императора. Развеять дракона.

Сюн обернулся лишь на миг, и тут же увидел за спиной стену пламени. Назад дороги нет. Только вперёд. Сюн уже видел вдалеке императора. Стоит воспарить, и Сюн доберётся до него в два счёта, но понимал, что тогда его самого вмиг изрешетят стрелами. Придётся подойти по земле.

Части войск Ирианда удалось прорваться сюда до того, как поле накрыл алый туман, и теперь они сражались за выживание, и Сюн увяз в битве вместе с ними. Вокруг него собрались выжившие воины. Он снова и снова играл «Лезвие» и «Воздушный щит». На миг подумал про «Глаз бури», но даже если успеет закончить мелодию без помех, не сможет выйти, и их попросту окружат. В отчаянной атаке Сюн превратил своё «воздушное лезвие» в стрелу и пустил в сторону императора.

Сюн знал: расстояние слишком велико, такое «лезвие» рассеется раньше, чем нанесёт смертельный удар, но может, хоть остановит мелодию? Сюн напряжённо смотрел вперёд, словно силой мысли мог заставить свой удар стать быстрее, острее. И стрела летела. Над сол-

датами, над сражением... пока прямо перед императором не рассыпалась невесомой дымкой об «Воздушный щит».

Рядом с императором стояла тонкая фигура в чёрном платье, с золотыми бликами в каштановых волосах, из-за её спины дул горячий ветер.

«Лань...»

Она смотрела прямо на него. Сюн ощутил непреодолимое желание позвать её по имени, но раньше, чем открыл рот, осознал, что музыка императора стихла. Его руки на миг замерли над струнами, парализовав дракона. Лишь на миг. И в следующий же струны призывно зазвенели в новой мелодии.

Она то звенела на высоких нотах, как будто кто-то пел предсмертную песнь, переходящую в мучительный стон, то падала вниз и грохотала как медная тарелка и грозный барабан. Сюн воочию представил, как распалются факелы и костры, и золотое пламя освещает лица приговорённых и их безмолвных палачей.

Как вдруг понял, что это не просто образ музыки. Ему действительно горячо! Сквозь подошвы он почувствовал, как погорячела сама земля – точно так же, как в день переговоров. Сюн попятился назад, инстинктивно пытаясь скрыться от жара. Солдаты в замешательстве тоже не знали, куда скрыться. Враги смеялись им в лицо:

– Как насекомые на сковородке!

Сюн не слушал, а лишь бормотал самому себе:

– «Серебряный иней». Я могу сыграть «Серебряный иней», но...

Не успеет. Земля раскалялась так сильно и быстро, а защита таяла. Его «Воздушный щит» рвало в клочья магией огня.

– Отступаем! Сейчас же! Я проложу путь! – крикнул он союзникам. Вокруг осталось людей не более чем на один отряд.

Среди них не нашлось командиров, поэтому солдаты охотно послушались приказа. Сюн торопливо играл свои мелодии, но войска Редаута не собирались их отпускать. Сюн смог немного задержать их «лезвиями», пока его воины отходили назад. Слишком медленно. Слишком поздно.

И сгореть бы им всем в подземном пламени, как куски мяса на сковороде... если бы руку императора на последней ноте не перехватила другая.

– Молю, отец. Не надо. Это слишком жестоко!

Рейтан отдёргнул руку и с досадой посмотрел, как ушла его маленькая добыча. Не будь эта охота лишь прихотью, он бы разозлился, а так лишь сурово посмотрел на Аилань, из-за чего она в страхе попятилась назад.

– Огонь всегда жесток, Аилань, если близко к нему подойти. Ты здесь не нужна, иди на левый фланг.

– Позвольте остаться и защищать вас, отец-император.

– Защищать или мешать? Так жаждешь, чтобы я тебя наказал?

– Нет...

– Я впервые за долгое время вступил в пламя войны. Не порть мне удовольствие. Иди.

Он говорил спокойно, почти равнодушно, но именно этот тон пугал больше, чем гневные крики. Аилань сглотнула и поспешила уйти. По крайней мере, её не отправили на правый фланг к Галену и Ейлин. По крайней мере...

Огненный дракон взорвался в небе золотыми искрами. Горячие лепестки его чешуи обжигали непокрытые участки кожи. Все выжившие силы княжеских армий успели отступить и радовались, что удалось сразить чудовище. Солдаты Редаута преследовали их до середины поля, но остановились перед градом стрел.

Сюн проводил остатки авангарда к союзникам. Воины Ирианда воздали ему хвалу. По войску тотчас разнеслась весть, что это именно Сюнлин остановил руку императора и его дра-

кона. Хотя всё случилось не совсем так, Сюну было не до объяснений. Он молча вернулся на свою позицию. Музыканты из его отряда и стражи Лацуо и Уйнан красноречиво на него смотрели.

– Об этом Вэйлину докладывать не надо, – улыбнулся он.

Никто ничего не ответил.

После короткого затишья в битве наступил новый этап. Ныне бездействовавшие музыканты Лердэ выступили вперёд. Теперь, когда все их союзники в тылу и можно не бояться никого задеть, он подняли свои инструменты. Раздался низкий гул большого рога и глухой, тяжёлый, как шаги великана, бой барабана. Те, у кого были струнные, били по ним так, словно камни падали со склона горы. Темп нарастал каждые два удара. Все почувствовали, как дрогнула под ногами земля. Затем ещё раз и ещё, словно кто-то изнутри стучал по ней огромным молотом, стремясь вырваться на свободу.

Последний удар – и по земле с громким хрустом поползли трещины, будто лопается скорлупа. Появился разлом шириной с ладонь и устремился от рядов Лердэ к армии Редаута. Он рос и ветвился, окутывая поле сетью ломаных линий. Воины Редаута смотрели под ноги, переминались, не понимая, что их ждёт.

Мелодия Лердэ подходила к концу. Замедлялась как обратный отсчёт. Сеть трещин перестала расти, замерла, притаилась. Ещё несколько нот и...

– Хех, – раздался тихий смешок, император Рейтан поднял взгляд. – Попались.

Трещины нагрелись, заалели, и через миг из них вырвался раскалённый пар. Музыканты Лердэ в панике отскочили.

– Что это? Что происходит?!

Вслед за паром из трещин коротким всплеском вырвался жидкий огонь. Люди отпрянули от разломов, поспешили сбежать. В рядах началась сумятица. Окрики генералов едва перекрывали испуганный ропот.

Лава медленно, но неотвратимо растекалась по полю густой вязкой волной, словно земля истекала огненно-золотой кровью. Вскоре всё поле превратилось в переливающееся озеро пламени.

– Не стоило тревожить раны земли, – расслабленно улыбнулся император и снова занёс руки над цитрой.

Лава вдруг ожила и приливом начала надвигаться на ряды княжеских войск. Мёртвые тела на её пути пузырились и лопались отвратительной жижей, прежде чем волна накрывала то, что от них оставалось. В воздухе смешались запахи крови, горячей плоти и раскалённого металла. Император играл – и лава ускорялась.

– Эй, вы же из Лердэ! Сделайте что-нибудь! – кричали одни музыканты другим. – Разве лава – это не горячие камни?

– Ты видишь здесь камни?! Это уже явно огонь!

Заклинатели Лердэ с напряжёнными лицами заиграли мелодию, огненный прилив задержался лишь на миг. Сила пламени была в нём сильнее земли. Музыканты Шуйфена попытались собрать остатки воды и загасить огонь. Поверхность лавы уродливо запузырилась, словно обожжённая плоть и задымилась ядовитыми парами. Ещё попытка – и раздался огненный взрыв. Горячие капли попали на живую плоть, и крики огласили поле.

Воины и музыканты метались, не понимая, где ядовитый пар, где пыль, и чем дышать. Тела взмокли от пота. Лица покраснелись. Там, куда бежали люди, дорогу преграждала огненная река. Разум метался в поисках спасения. Музыканты ветра снова и снова играли «Чистое небо», но воздух тотчас же снова заполнял пар, преломлялся от жара. Пот попадал в глаза, мешал видеть.

– Да почему она течёт сюда?! Здесь же склон вверх! – восклицал Суан.

– Да потому что ей управляют, дурень! – огрызнулась Делия.

Её ветер дул навстречу лаве, но та была слишком тяжела для стихии воздуха. Сюн прислушался. С этой стороны было слишком шумно, чтобы расслышать мелодию с того конца поля. Он наиграл «Серебряный иней», чтобы немного охладить разгорячённый воздух, но лаву это не останавливало. Она изрыгалась из-под земли, как из кровоточащей раны, и заставляла отступать, бежать, бояться.

Часть солдат успели надыхаться ядовитыми парами, и их отправили в тыл. Князя и генералы кое-как остановили панику. Лава двигалась медленно, и это дало время организовать силы. Но только все подумали, что вернули контроль над ситуацией, как пришло сообщение: фланги под атакой.

Редаутские солдаты обогнули огненное озеро с обеих сторон и напали на неорганизованные войска союза. Несомненно, они не боялись жидкого пламени, что подчинялось железной воле музыканта. Снова император?

Сюн смотрел на мелькание светлой брони среди сражающихся. Солдаты Ванлинда тоже под атакой, и он не знал, как им помочь. Как им всем помочь? И земля, и вода бессильны, дерево с железом подавно, молнии сами сродни огню. Лишь ветер может дуть свободно, но что он может сделать?

– Про новый раз я точно не смогу промолчать перед князем, – как бы между прочим заметил страж Уйнан, исподлобья глядя на Сюна.

– Я ничего не говорил.

– Вы хотите снова отправиться напрямиком к врагу.

Сюн на миг замолчал, а потом сказал тихо словно самому себе:

– Я обещал брату, что присмотрю за всем. Но я не знаю, что делать.

И неважно, что это совсем не те слова, какие подчинённый должен слышать от князя. Сюн не мог притворяться более сильным, чем он есть. Всю жизнь притворялся, а сейчас вдруг не смог. От этого хотелось нервно рассмеяться.

Но Лацуо совсем не смутила минутная слабость Сюнлина. Может, потому что он много лет служил князю Венмину, видел разные состояния своего господина и давно признал его... их, князей, человечность.

– Не умирайте. Князю и всему Ванлинду этого будет достаточно, – сказал ему страж.

– На войне – недостаточно, – ответил Сюн.

Ответственность давила на плечи железным плащом. Пригибала к земле. Сжимала в тисках.

– Господин Сюнлин, – Уйнан преградил ему путь. – Я обещал князю, что защищу вас. Если вы решили идти, мы не смеем ослушаться, но позвольте следовать за вами.

– Как же вы защитите меня от этого? – Сюн с улыбкой указал на лаву, которая неотвратимым приливом подбиралась всё ближе.

Сюнлин мог воспарить птицей и со скоростью ветра пролететь через всё поле, но стражи были обычными людьми. Уйнану было нечего ответить, на его лице промелькнуло множество болезненно противоречивых эмоций. Сюн заметил, сколь сильна внутри этого человека борьба, и вдруг смягчился.

– Уйнан, Лацуо... Простите, что доставляю столько хлопот. Я понимаю, что защищать меня – трудная задача, но у каждого из нас свой долг. Если я не отдам все силы, чтобы защитить наших людей от магии врага, то какой из меня музыкант Ванлинда и какой наследник Долины?

Уйнан внимательно смотрел на расслабленное улыбающееся лицо Сюна, которому всей душой хотелось верить. Но с такой же улыбкой князь Венмин ушёл на последний бой и не вернулся живым. Хоть на языке Уйнана вертелось множество слов, и он был почти в три раза старше Сюнлина, но не мог поучать второго князя... и знал, что всё равно не сможет остановить музыканта ветра. И это бессилие ранило больше клинка.

– Ладно, – вдруг сказал Сюн. – Я пойду посоветуюсь с Хранителем. Возможно, вместе что-нибудь придумаем, и тогда я буду действовать. Такой план вас устроит?

Уйнан и Лацуо удивились. Они не смели и рассчитывать, что им удастся переубедить второго князя. А он смотрел на них и мягко улыбался. С большим изумлением эти двое стражей, что даже не должны были переживать своего первого господина, обнаружили, что Сюнлин искренне переживал за их чувства. Чувства несчастных солдат, вновь оказавшихся между двух приказов. Разве не поэтому во время перемирия Сюнлин каждый день отправлял им вести?

Сюн воспринял их выражения лиц как согласие и уже собирался сказать своему отряду, что делать, как вдруг заметил.

– А где Мерали и Джейдип?

– Мерали сказала, мы не можем прогнать ядовитый пар из-за ветра с той стороны. Она отправилась туда прекратить это. А Джейдип пошёл за ней.

– «Прекратить»? Что значить «прекратить»?! – повысил голос Сюн.

– Господин Сюнлин, – помедлила с ответом Делия. – Мерали отправилась убивать принцессу ветра.

6. Старые счёты разгораются вновь

Мерали взяла с трупа редаутского офицера чёрны

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.